

КАЖДЫЙ ТВОЙ ВЗДОХ

там, где
заканчиваются
слова,
начинается
танец

18+

ИРЭНЕ КАО

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «Я СМОТРУ НА ТЕБЯ»

Annotation

Новый чувственный роман от Ирэне Као, автора великолепной ИТАЛЬЯНСКОЙ ТРИЛОГИИ: «Я СМОТРЮ НА ТЕБЯ», «Я ЧУВСТВУЮ ТЕБЯ», «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ», которая покорила весь мир.

«Каждый твой вздох» – это роман о страсти и предательстве, горячих ночах Ибицы, танцах до утра и израненных сердцах, которые ищут любовь.

Любовь обернулась ненавистью, жизнь оказалась ложью, и все, что ей осталось, – это побег.

Какой-то древний инстинкт приведет ее на Ибицу, где ночи без сна, танцы под звездным небом и магия самого чувственного острова на земле подарят надежду на исцеление.

Дыхание зарождающейся любви или очередное предательство, ритм волшебного острова или просто мираж, старые тайны или новая ложь – только сердце подскажет, не ведет ли выбранный путь в пропасть...

Ирэне Као

Каждый твой вздох. Там, где заканчиваются слова, начинается танец

* * *

Моим родителям

Тем, кто не боится любить

Диджею, который первым вдохновил меня

Тьма. Свет. Тьма.

Она еще за сценой, выглядывает из-за кулис: там раскинулось бескрайнее море поднятых вверх рук и множество тел, движущихся в ритме танца. Сегодня диджей в ударе, и консоль вибрирует от его сумасшедшей энергетике. Эта энергетика наполняет всех, в том числе и ее. Сердце бешено стучит, руки вспотели, ноги слегка дрожат. Она не впервые на этой сцене, но никак не может привыкнуть к этому ощущению: оно слишком ново и все еще захлестывает ее с головой.

На ней элегантный черный кружевной корсет, зашнурованный на спине атласной лентой. Он стягивает маленькую грудь и заставляет дозировать дыхание. Это помогает сосредоточиться. Всего минута до выхода на сцену. Она потягивает мышцы ног, опираясь на высокие каблуки сапожек из перфорированной кожи. Натягивает шелковые перчатки и в последний раз прокручивает в голове выступление, представляя его в этой атмосфере. Ошибки недопустимы, а если они все-таки случатся, нужно будет постараться сделать так, чтобы все выглядело естественно. Она отлично знает, чего хочет: ошеломить и соблазнить. Тело и разум. В последний раз оглядывает себя в гигантский шар, освещающий закулисное пространство. Яркий макияж подчеркивает синеву глаз, помада «Руж Нуар» акцентирует ее губки сердечком. Волосы струятся по плечам дикими волнами, развеваясь под дуновением искусственного ветра.

До выхода десять секунд. Она сжимает кулон-капельку на груди, целует его и смотрит вверх. В небо. Все будет хорошо.

Тьма. Свет. Тьма.

Грохот волнами исходит от консоли. Затем звук, который, кажется, длится вечность. И в этот момент выходит она, в лучах прожектора, в ритме музыки. Этот ритм – как пульс гигантского сердца, бьющегося в унисон с тысячами сердец на танцполе. Она танцует для них. Вместе с ними.

– *Re-i-na! Re-i-na!*[\[1\]](#)

Даже отсюда, сверху, она различает голоса и взгляды тех, кто зовет ее. Она улыбается, вся объятая радостью, словно обмениваясь с ними этой энергией. Потoki исходят от нее к

ним, от них – к ней.

В этот миг она такая, какой хочет быть. Свободная. Настоящая. Живая.

В этот миг она чувствует.

Живет.

Любит.

Глава 1

Теплые лучи мягкого майского солнышка проникают в арочные окна и освещают розовые облачка в центре комнаты. Ее девочки идут по кругу, делая плавные движения, и зал наполняется нежными звуками фортепиано и скрипки.

Она – перед ними, наблюдает. Миниатюрная, энергичная, нежная и одновременно властная. Темные волосы собраны в искусный шиньон. На ней, как и на ученицах, пачка и пуанты. Никаких выбившихся прядей – она должна быть примером для этих маленьких бестий в трико. Поверх бежевых легинсов – нежно-голубое боди, под цвет глаз.

– Стоп!

Ее решительный голос как будто разрушает чары. Это приказ. Музыка умолкает, и девочки, кажется, немного обескуражены.

– Теперь построились рядами: Аличе, Джиневра, Кьяра – в первый; Катерина, Беатриче, София – во второй; Матильде, Виттория, Джада – в третий.

И спустя мгновение пространство в центре зала меняет форму и из круга превращается в квадрат. Вот она, ее команда непосед.

– Первая позиция! – говорит она уже громче. Их руки одновременно упираются в бока, а стопы развернуты в одну линию. Бьянка окидывает учениц удовлетворенным взглядом, глаза ее блестят. Кажется, они даже становятся ярче и сверкают, словно два сапфира на фарфорово-белой коже. Какие все-таки умнички ее девочки! В этом году они потрудились на славу.

– *Good!*^[2] – Ее голос вновь взмывает, тренированное тело повторяет позиции. – Улыбайтесь, взгляд вверх, живот втянуть, спина прямая! Вращаем бедрами, сжимаем ягодицы, руки расслаблены. Выше нос, грудь вперед, попки втянуть... Глубокий вдох...

Бьянка набирает имя на айпаде, подключенном к динамикам; у нее тонкие пальцы, ногти накрашены пастельно-розовым лаком. Из динамиков льется фортепианная композиция Ли Ру Ма, от которой зал наполняется теплом, а лица – светом.

– И-и-и *demi-plié one, straight two*^[3], – ее голос понижается до монотонного шепота. – *Raise up three*^[4], быстрее, быстрее, плавно опускаемся, *grand-plié five, six, seven, eight*^[5]... и-и-и вторая! Теперь сами, движения вы знаете... Давайте, без подсказок... *Good!* Отлично, малышки. Теперь все то же самое с другой стороны.

Она говорит на смеси итальянского, французского и английского: один французский девочки не поймут, это она уже проходила. Десять лет, как она преподает в этой школе, в центре Бассано-дель-Граппа, и за десятилетие у нее выработался собственный метод, в котором сочетаются строгость, самоотдача и в то же время учитываются особенности и потребности каждой ученицы. Ведь всякое тело уникально, и головы у всех разные. Нужно уметь слушать. Но важнее всего – внутреннее равновесие педагога. Баланс! Вот первое правило классического танца. Девочки, которые уже перешли в четвертый класс, быстро усвоили эту науку. С самого первого дня Бьянка выразилась предельно ясно:

– В этой школе вы познаете не только науку танца – прежде всего вы научитесь стоять на ногах, не падать и всегда следовать правилам. И если вы все же упадете, то научитесь и подниматься.

Девочки слушали – ведь в этом голосе не было сварливости, а лишь мягкая строгость и властность, которая без лишней агрессии может заставить себя уважать.

Бьянка останавливает музыку. В центре зала девять облачков формируют вереницу света.

– Теперь первый ряд – назад, – командует Бьянка, распоряжаясь пространством подобно дирижеру. Руки у нее тонкие и гибкие, но с четко очерченными мышцами. Ей уже давно за тридцать, но еще никогда она не любила свое тело так, как сейчас – оно атлетически сложенное, упругое, отточенное за долгие годы преподавания.

Аличе, Джиневра и Кьяра выполняют ее команды четко, словно солдатики, их шаги легки.

– Аличе!

– Да, учительница?

– Вперед. И Джиневра тоже – так мне будет вас лучше видно.

Обе едва сдерживаются, чтобы не фыркнуть недовольно, и, обменявшись напряженными взглядами, занимают указанные места.

– В третью позицию! – Бьянка вытягивает ноги, встает на носки. Рост ее едва-едва достигает метра шестидесяти сантиметров, она почти сливается с девочками.

– Итак, вы помните, как мы всегда говорим? От шеи до таза мы?..

– В цементе! – отвечают они хором, громко и четко.

– Молодцы! Поэтому не забываем – здесь все напряжено. – Бьянка проводит указательным пальцем от бедер к солнечному сплетению. – Пудинг мне тут не нужен...

Они смеются, и кажется, будто напряжение, сковывавшее их, ослабевает.

– Сосредоточились! *Grand battement! And one, and two, three and four, to the second*^[6], ух! – Бьянка энергично отводит в сторону ногу. – *Good Катерина! Derrière*^[7], носок за шиньон, и-и-и руки *allongées*^[8] вверх, – командует она.

Одна из девочек – самая пухленькая в группе – с шумом приземляется на паркет, звук отражается от обшитых деревянными панелями стен. В этом зале все пронизано теплом и стариной, духом семьи. Катерина вот-вот потеряет равновесие, и все же, слегка неуклюже качнув тазом, она возвращается в исходную позицию. Личико ее заливается краской от смущения, на глаза наворачиваются слезы, но тут вмешивается Бьянка:

– Вот так, Катерина. Умничка! Вернулась в исходную позицию – просто замечательно.

Она мягко улыбается, лишь слегка приоткрыв тонкие губы, и видит, как успокаивается личико девочки. Она страшно не уверена в себе – может, оттого, что чувствует себя непохожей на других из-за своих округлых форм. Нужно будет придумать для нее сольное выступление, чтобы девочке было просторнее. Как и другим. Вот уже два месяца она просто одержима этим двухчасовым выступлением, ведь это важный момент не только для девочек, но и для их мам. Нужно сделать так, чтобы все были довольны – ну и задачка! Ведь каждой маме хочется, чтобы именно ее дочка была прямой.

– Сегодня у тебя получается даже лучше, чем вчера, Кате! Продолжай в том же духе... А сейчас Джада покажет нам прекрасный *pas de chat*!^[9]

Она переводит взгляд на другую ученицу, чтобы переключить всеобщее внимание с Катерины, а Джада тем временем, кажется, спрашивает: «Ну почему я?» – однако без всяких возражений отрывает правую ногу от пола и подпрыгивает.

– Хорошо! Ты тоже молодец. – Бьянка помогает ей выполнить движение. – А теперь *plié*^[10] – и назад.

Джада делает глубокий вдох – кажется, с облегчением.

– Теперь – все вместе! Не забываем: ножки напряжены, как карандаши! – Она энергично бьет в ладоши. – Повторяем все движения – каждый ряд по отдельности. Сначала пару раз все вместе, потом передохнем, а затем все ряды отдельно. Все ясно?

– Да-а-а, – хором отвечают они, и зал освещается искренними беззубыми улыбками: многие из них все еще теряют молочные зубы.

Снова звучит музыка – но недолго. Спустя несколько секунд Бьянка останавливает плеер.

– Если я сказала «все вместе», значит, все вместе. – Она бросает суровый взгляд на третий ряд. – Все сначала!

Помещение наполняется ритмичными звуками композиции Дэвида Пламптона. Малышки двигаются в едином ритме, гармонично, симметрично, четко. «Ну просто отрада для глаз!» – в восхищении думает Бьянка.

– О'кей, стоп! Неплохо, неплохо... – «отлично» нельзя говорить ни в коем случае, не то они совсем перестанут ее слушаться. – Теперь все выстроились в один ряд.

Ее солдатики в розовой форме строятся.

– Через месяц будем выступать на сцене.

– Скорее бы! – восторженно восклицает Виттория, и ей вторят остальные.

– Вот и хорошо! – их энтузиазм передается и Бьянке. Она пока не знает, как завершить номер, но что-нибудь придумает. Может быть, даже начнет прямо сейчас.

– Итак, недавно мы выучили *sissonne*^[11] – вам о чем-нибудь говорит это название?

Третий розовый солдатик поднимает руку.

– Покажешь, Аличе?

Аличе выполняет серию невнятных па.

– Хм... Ну, вроде того... – Бьянка кривит губы, но тут же одергивает себя: девочка заслуживает похвалы хотя бы за свой порыв.

– Все смотрите сюда! – Она занимает позицию.

– Начинаем с двух *soubresaut*^[12], *and one, and two*^[13], прыжок с обеих ног, одна расслаблена, другая – позади, вытянута, как стрела... Запомнили?

– Да-а-а!

– Только не все вместе, иначе будете толкаться. По очереди. Беатриче, Матильде, Виттория, София, Катерина – первая группа; остальные – во вторую. Все понятно?

Катерина, уже оправившаяся от смущения, решается задать вопрос:

– А бежать назад или боком?

– Хороший вопрос! Когда начнете, поворачивайтесь и бегите прямо на свои места, во избежание несчастных случаев... но только сегодня, хорошо?

Вновь звучит музыка, и девочки суетятся, занимая позиции.

– Аличе, у тебя стрелка кривовата... – Бьянка пытается ее поправить и обращается ко всем. – Руки разведены, перед собой, держим ряд, только здесь, не там! – Она указывает на воображаемую точку в пространстве. – Не толкаемся и не деремся! Ну же, девочки! Гармония!

Настенные часы показывают 17:56 – пора прощаться.

Бьянка останавливает музыку.

– Все молодцы! На сегодня достаточно.

Девочки становятся в позу реверанса и отвешивают поклон педагогу.

– Спа-си-бо, у-чи-тель-ни-ца, хо-ро-ше-го ве-че-ра! – почти пропевают они, их ноги описывают полумесяц, руки рисуют в воздухе овал. Затем полумесяц расходится справа налево.

– Вам спасибо. – Она аплодирует, заразительно улыбаясь, меж губ в форме сердечка, покрытых тонким слоем бесцветного бальзама, видны белоснежные зубы.

Разводит руки в стороны и позволяет розовым облачкам стиснуть себя в объятиях.

Катерина, крепко обнимая ее, почти отрывает от земли. У этой девочки удивительная для ее возраста сила. Может быть, ей и не суждено стать великой танцовщицей, но Бьянка уверена: с таким огромным сердцем девочка осчастливит любого, кто встретится на ее пути.

– Я тебя люблю, учительница!

– И я тебя. – Бьянка гладит ее по голове.

– А правда, мне можно будет станцевать кусочек танца в одиночку? – спрашивает она почти шепотом.

– Ну конечно, малышка. Как и всем остальным, – заверяет ее Бьянка.

Может быть, в эти месяцы она была к девочке слишком строга, – рассеянно думает она, убирая за ухо выбившуюся из шиньона прядь.

– Думаешь, моей маме понравится, как я выступлю? Она вечно ругается, говорит, я много ем, растолстею и не влезу в пачку!

Так вот почему Катерина так неуверена в себе – на ее плечи тяжким грузом давят ожидания и упреки матери.

– Ты будешь настоящей звездочкой на сцене, поверь мне. А в блестящем костюме станешь красавицей!

Кстати, о костюмах. До сих пор ей некогда было о них подумать, и теперь, конечно, предстоит всегдашняя гонка: нужно будет все придумать и сделать на те гроши, что выделяют из бюджета.

– Учительница, а почему у тебя на шее все время эта капелька? – спрашивает Катерина, и лицо ее расплывается в улыбке. Бьянка опускает взгляд на грудь, проводит пальцем по кулону. Он всегда с ней, словно часть ее. От разума к сердцу, как стрела, пролетает воспоминание.

– Это? Оно досталось мне от мамы, когда она ушла на небеса.

Она поднимает глаза, и это воспоминание будто уносится ввысь, в небо, такое далекое и такое близкое. Катерина снова обнимает ее, крепче прежнего.

– А как звали твою маму?

– Ее звали Сара, – отвечает Бьянка почти шепотом.

– Сразу видно, что ты ее сильно любила, – произносит девочка, отпускает ее и убегает.

Теперь она одна. В тишине зала еще слышны топот маленьких ножек и музыка – это пространство словно немислимо без них.

Она отключает айпад и кладет в сумку – ту самую, что носила, когда только пришла на эту работу, исписанную автографами ее первых учениц. Надевает бежевую джинсовую куртку, застегивает верхнюю пуговицу и направляется к двери. Прежде чем выключить свет, она поворачивается и окидывает взглядом комнату, ненадолго останавливаясь взглядом на собственном отражении в зеркале. Инстинктивно, почти невольно сжимает кулон. Вот и весь ее мир – в этом простеньком украшении и в этих четырех стенах.

Из долины веет легкий бриз, проникает под джинсовую куртку, ласкает кожу. Май в этом году выдался поистине волшебный, хочется все время проводить на свежем воздухе. В раздевалке она сменила пуанты на кеды, боди на футболку без рукавов, но легинсы и шиньон оставила. Бьянка идет быстрым шагом, но домой не торопится – это ее обычная скорость. Вот и подруга Диана вечно подтрунивает:

– Вид сзади у тебя, конечно, отпад, дорогуша, но я с ним уже знакома. Не удостоишь ли меня чести идти рядом, а не сзади? – шутит она всякий раз, когда они гуляют вместе и Бьянка оказывается на три шага впереди.

Подумав об этом, она улыбается и сбавляет шаг. К тому же в этот вечер она испытывает немалую усталость после урока – это видно и по ее глазам: когда она устает, они как будто уменьшаются и меняют цвет, становясь почти зелеными. Легкие круги под глазами свидетельствуют о том, что ей не помешало бы поспать часок-другой.

Несколько мгновений она смотрит на реку: воды Brenty в солнечных лучах стали прозрачно-голубыми и текут медленно, величаво, словно исполняя танец. Впереди группка студентов на экскурсии делает обычные снимки на мосту – она и сама так фотографировалась, лет восемнадцать назад. Она была с Себой; тогда же случился и их первый поцелуй. Восемнадцать лет уже исполнилось этой странной паре, как их называют самые деликатные из друзей. Для остальных они просто Красавица и Чудовище. Он – резкий, часто грубоватый, и она – спокойная и задумчивая. Об этом размышляет Бьянка, оставляя позади Старый Мост; улыбка словно приклеилась к ее лицу. Эта улыбка появляется на ее лице всякий раз, когда она представляет, как вот-вот обнимет своего Себастьяно.

Улыбка зависти, которую испытывают все те, кто, как и они, всю жизнь вместе, но уже забыли о той нежности, что была вначале.

Она поднимается на площадь Свободы, вновь прибавляя шаг. Исторический центр города мало-помалу заполняется людьми – время аперитива. Винные бары с чеканными вывесками наперебой зазывают клиентов, выставляя на деревянных прилавках местные деликатесы. Бьянка приветственно машет рукой мужичку, прислонившемуся к стене с бокалом белого вина, но не останавливается, а идет вперед, через улицу Рима – иначе она так и не доберется до дома. Когда ты девушка Себастьяно Нони, владельца старейшего и крупнейшего в Бассано перегонного завода, будь готова, что в любом уголке города тебе не будут давать прохода. За долгие годы Бьянка усвоила эту истину. Вино граппа Нони представлено повсюду. Новая бутылочка S-образной формы оказалась даже на витрине парфюмерного магазина (правда, видно ее, лишь когда проходишь мимо), хотя ее только-только запустили в продажу. Интересно, кого пришлось обхаживать Себе, чтобы выставить ее там? Он всегда был прагматиком: уж если ему в голову что взбрело, нипочем не переубедишь. Может быть, еще и поэтому она его выбрала. Бьянка вздыхает и идет дальше. Она рада за него, за то, как все складывается, и все же на душе у нее беспокойно, в голове роятся мысли. Когда Бьянка танцует, ей кажется, будто ее тело легче перышка, вот-вот взлетит. Но едва танец кончается – особенно в последние месяцы, – виски словно сжимает чья-то незримая хватка. Вот и сейчас налетел вихрь тревог и волнений за все сразу.

Взять хотя бы костюмы для итогового выступления – что бы такого придумать в этом году? Эти девочки для нее почти как родные... Тем более своих детей у нее пока нет.

Несмотря на смерть обоих родителей, она все еще чувствует себя недостаточно взрослой для того, чтобы самой стать матерью. Себастьяно это понял и относится к ее решению с уважением, несмотря на то что и ему, и свекрам уже не терпится объявить всему миру о рождении маленького Нони. Но пока ей хватает забот педагога и всего того, что им сопутствует. Декорациями тоже всегда занимается она. Ей нравится придумывать костюмы – должно быть, после танцев это ее самая большая страсть. Хотя, конечно, постоянно творится невообразимая суета! Ведь одно дело, костюм для себя самой и совсем другое – придумать наряды для девяти девочек, каждая из которых имеет свою комплекцию. И все это – на жалкие гроши прибавки к учительской зарплате. У директрисы школы вечно не хватает бюджета, и Бьянка частенько добавляет денег из собственного кармана. Вернее, из кармана Себы – что, разумеется, немало ее гнетет, ведь ей уже тридцать шесть лет. Внезапно она вспоминает об ужине: со вчерашнего дня она ничего не готовила, а Себа приходит поздно, и к тому моменту все должно быть на столе...

Она с радостью приняла на себя роль хранительницы домашнего очага, хотя по натуре совершенно не домохозяйка, лишь потому, что Себастьяно занимается другими домашними делами, которые она всей душой ненавидит (например, глажка). Синьор Нони – человек старой закалки, но Бьянке не на что жаловаться, ведь, в отличие от некоторых мужей ее подруг, он за справедливое распределение обязанностей.

Но вот на кухне ее идеи закончились: угодить Себе непросто. Его мать отлично готовит и совершенно его избаловала. К тому же он постоянно голоден, как бизон, – может расправиться с двумя бифштексами за несколько минут. Он ненасытен – и, по правде сказать, не только в еде. А вот она никогда не была обжорой. Не то чтобы ей не нравилось вкусно поесть, но она не привыкла наедаться до отвала. Во всем надо знать меру, считает она: главное – все попробовать, но без фанатизма.

А вот и машина. Она садится в «Ауди А1 спортбэк», белую с черной крышей. Это один из последних подарков Себастьяно. Ему нравится делать ей дорогие подарки и с наслаждением наблюдать за ее реакцией – как вспыхивают румянцем ее щеки от радости и смущения, почти по-детски.

Она включает двигатель, и салон наполняется звуками популярной песенки. Бьянка выезжает с парковки и направляется в сторону Маростики. Их поместье находится в десятке километров от Бассано, на холме, утопающем в виноградниках и оливковых деревьях. У подножия расположен перегонный завод, построенный в 1878 году. Это невероятное место, где чудесным образом сплелись традиции и современные технологии... но и усилия для его содержания тоже нужны невероятные! Конечно, раз в неделю приходит уборщица, но этого недостаточно – каждый день случается что-нибудь новенькое. К тому же Себастьяно постоянно норовит подкинуть ей хлопот: «с твоей работой у тебя ведь уйма свободного времени!» И это не только участие в деловых ужинах или организация доставки – частенько ей выпадает и совершенно прозаичная работа на заводе. И она соглашается. Всегда. Да и он знает, что Бьянка не из тех, кто отлынивает от работы.

Из динамиков магнитолы льется музыка.

– Это была песня «*We-People*»^[14] группы «Planet Funk», – звонким голосом объявляет диджей. – Мы вернемся к вам через несколько минут, не переключайтесь!

Начинается реклама. Классическая музыка, затем голос диктора:

«Королевский балет Лондона – в кино! По случаю 75-летнего юбилея компании прямая трансляция в кинозалах последнего спектакля сезона, «Спящая Красавица», в великолепной

постановке Моники Мейсон и Кристофера Ньютона. Ищите ближайший к вам кинотеатр на сайте...»

Ее сердце тут же пускается вскачь – пульс отдается в ушах. На какое-то мгновение Бьянке даже кажется, что благоразумнее было бы остановиться. Потом резко, почти сердито, она выключает магнитолау.

Бьянка

Отлично помню тот день – 4 июля. Мне было девятнадцать, и я еще жила с отцом. Шел 1998-й год, я только что окончила классический лицей. 58/60^[15], – настоящий триумф! Именно его я и отмечала за обедом с отцом, который специально по такому случаю приготовил лингвине с моллюсками.

От нескольких бокалов «Просекко» быстро опьянела, хотя очередь десерта еще не настала. Но ведь впереди предстояли бесконечные каникулы, и кому какое дело до похмелья! Я была еще совсем девочкой, счастливой и беспечной, и дела складывались как нельзя лучше. Специально к празднику папа купил в лучшей кондитерской Бассано мой любимый десерт – шоколадный торт-безе с лесными ягодами. Когда я ела второй кусок, в дверь позвонили.

Раньеро подошел к окну гостиной, потом повернулся ко мне и сказал:

– Это почтальон, принес заказное письмо. Неужто опять штраф?

Он улыбнулся и вышел в своих кожаных тапочках. Этот сухой шлепающий звук до сих пор ассоциируется у меня с отцом. Внутри вдруг возникло странное предчувствие, будто горячая рука сжала сердце, а в голове крутилось название: The Royal Ballet School^[16]. Через несколько мгновений отец вернулся с сияющим лицом.

– Кажется, это тебе, из Лондона, – и вложил мне в руку запечатанный конверт. Я посмотрела на него со страхом и удивлением. В левом верхнем углу мелкими буквами написан адрес на английском – тот самый адрес! – а в правом нижнем – мой, покрупнее. Сомнений не было: письмо было адресовано мне, Бьянке Колли.

– Ну же, открой! – подбадривал меня отец.

Боже, как я волновалась! Мое предчувствие постепенно превращалось в реальность. В смятении разорвала конверт, который, казалось, не хотел открываться, и вынула письмо. Дрожащими руками развернула его и начала читать вполголоса те несколько строчек на английском. Потом перечитала, снова и снова, не в силах поверить. Наконец меня прорвало:

– Папа, меня приняли! Пишут, что я сдала экзамен!

Я обняла его, как уже давно не обнимала, по щекам катились слезы счастья.

В те майские выходные он вместе со мной поехал в Лондон и не оставлял меня ни на секунду – знал, как важен для меня был тот просмотр. Как и любая балерина, я мечтала учиться в этой школе. Его лицо все еще стоит у меня перед глазами – он был счастлив, радовался за меня и вместе со мной.

– Все просто чудесно, малышка! Сегодня у нас двойной праздник!

И снова откупорил «Просекко».

Воодушевленная и слегка навеселе, после обеда я села на велосипед – тогда у

меня еще не было водительских прав – и скорее поехала в имение, чтобы показать Себастьяно письмо из Королевского балета. Я была уверена, что он порадуется и скажет: какая замечательная новость... Но когда я объявила о письме, он даже не улыбнулся. Казалось, он думает совершенно о другом. Потом он все-таки поздравил меня и со странным блеском в глазах сказал:

– Жди здесь. – Он усадил меня на мраморную скамейку в саду. – Я на минутку в офис, сейчас вернусь.

Я ничего не понимала – отчасти еще и потому, что была не вполне трезвая. Что это, черт возьми, за реакция? Но долго мне гадать не пришлось. Спустя несколько мгновений он вернулся с синей бархатной коробочкой.

– Дай руку, – сказал он мне, и эта просьба показалась мне почти приказом. Я посмотрела на него с легким испугом: что он задумал?

– Ну же, дай мне руку, не бойся.

Я повиновалась только потому, что мне нетерпелось узнать, что это за игра. Тогда Себа открыл коробочку, взял кольцо из белого золота с крошечным бриллиантом и надел мне на палец.

– Давно уже хотел тебе его подарить. Я не прошу прямо сейчас выйти за меня замуж, знаю, что ты еще совсем девочка, но хочу, чтобы мы жили вместе.

Он окинул взглядом бескрайнее поместье. Тогда ему едва исполнилось тридцать, он уже знал, чего хочет от будущего, и шел к своей цели.

– Все это будет твоим, если ты согласишься жить со мной.

Он погладил мои волосы и крепко поцеловал в лоб – от таких поцелуев перехватывает дух...

Боже, эти слова до сих пор звучат у меня в голове, при одном только воспоминании.

– Подумай, не спеши, не отвечай сразу. Я подожду.

И в самом деле, я ответила не сразу – в тот момент все эти невероятные события захлестнули меня с головой. Я была ошеломлена: он был взрослым мужчиной, а я совсем девочкой, которая ничего не знала о том, как устроена жизнь. Казалось невероятным, что Себастьяно мог сделать мне подобное предложение, да еще при таких обстоятельствах. Может, он хотел убедить меня не уезжать? Неужели мое будущее его не волновало?

Однако в тот самый момент я сказала себе: бессмысленно мучить себя вопросами и просчитывать стратегии – нужно просто принять решение. Итак, села на велосипед и отправилась в Скьявон. Я оказалась на перепутье: мне предстояло выбрать любовь к танцам или любовь к мужчине. И это был самый трудный выбор, который мне когда-либо доводилось делать. Я энергично крутила педали, а в голове крутился вопрос: может быть, стоит отложить совместную жизнь с Себой на год – как раз столько длился курс обучения? Но бесполезно было себя в этом убеждать: если бы я уехала, наверное, никогда не вернулась бы в Италию. Чего же мне хочется на самом деле? Что было лучше для меня самой? Так, терзаемая сомнениями, я оказалась на кладбище и направилась к могиле матери. Солнце уже начало заходить, его рыжие лучи отражались от белого мрамора, окутывая его теплым светом. Я погладила ее фотографию, ее красивое улыбочивое лицо; перекрестилась, опустившись на колени на ступеньке, прочитала молитву и, глядя ей в глаза,

спросила: «Что мне делать, мама?» В самые важные моменты моей жизни она всегда была рядом – вот и сейчас она помогла бы мне сделать выбор. Некоторое время молча сидела и ждала. Я была там одна, и небо мало-помалу начало окрашиваться багрянцем. Мне почудился шелест меж деревьев, а потом ощутила легкое пощипывание в животе, о котором думаю и по сей день. Я вынула из кармана джинсов письмо из Королевского балета и естественным жестом положила его на могилу, чтобы ветер унес его вместе с лепестками роз.

Я приняла решение.

Потом попрощалась с мамой и направилась к выходу, с одной-единственной мыслью: остаться. Я знала, что никогда не брошу танцы, но ведь можно продолжать заниматься этим и на своей земле. Я любила Себастьяно и была готова разделить с ним будущее, переполняемая храбростью и счастьем. Я не представляла свою жизнь без него. В тот вечер намеревалась сказать отцу: да, уезжаю, но не очень далеко.

В прошлом году, в октябре, она вернулась в Лондон – вместе с Себастьяно они отправились на Международный конкурс вина и алкогольных напитков, одно из самых престижных мероприятий в мире. На церемонию награждения она надела длинное шелковое облегающее платье с глубоким вырезом на спине и поднялась на сцену вместе с ним: «Бассано Эншт Бридж» получило золотую медаль. Себа был очень элегантен в смокинге и галстуке-бабочке, а когда глава комиссии объявлял решение судей, у него блестели глаза.

– Цвет белого золота. Аромат марципана с легкими фруктовыми и цветочными нотками. Бархатистое и нежное, оставляет приятное послевкусие. Древесные нотки придают вкусу глубину.

Сколько громких эпитетов удостоилось последнее детище дома Нони, королева грапп! Это был просто сказочный уик-энд. Бьянка с удивлением обнаружила, что испытывает к нему все то же влечение, что и в первые годы. После церемонии вручения Себа – теперь он набрал пару килограммчиков и потерял почти все волосы – пригласил ее на ужин, в ресторан «Аква Шард», с видом на Темзу. Возвращались они пешком до самого отдела «Клеридж», поднялись в номер и всю ночь занимались любовью. Всю ночь – этого с ними давненько не случалось, а в последнее время они все реже бывали вместе. Он был так близко! И все же, даже находясь в этом номере, даже когда они занимались любовью, ее не покидала мысль: а что, если бы вместо Себастьяно она выбрала Лондон и карьеру примы. Этот невероятный город сводил ее с ума. Быть может, в этот самый момент она танцевала бы на сцене Королевской оперы... Да нет, несомненно: она сделал правильный выбор, решив остаться на родине, и ни о чем не жалеет. К тому же с Себой их связывает глубокое чувство.

Она сворачивает на грунтовую дорогу, вдоль которой растут вековые кипарисы. «Ауди А1» поднимается на холм, вздымая легкое облачко желтой пыли. Два гигантских терракотовых кратера с крохотными лозами внутри открывают дорогу к поместью, раскинувшемуся на площади более шести гектаров. Пестрая панорама виноградных лоз, оливковых деревьев, цветущего миндаля и розовых кустов.

Свет в окнах завода все еще горит, а перед ним стоит большой автобус. Должно быть, последняя экскурсия затянулась. Иногда Бьянка и сама занимается посетителями – особенно если это иностранцы: она одна из немногих сотрудников, бегло говорящих по-английски. К счастью, год назад Себастьяно все-таки решил и взял на работу Анджело – милого паренька, в совершенстве владеющего французским, английским, немецким и русским. К тому же с недюжинным актерским талантом, делающим его выдающимся экскурсоводом.

В этот час он, наверное, рассказывает гостям «Двенадцати рыцарей», как называет их Себа, об исторической конструкции с паровой котельной, построенной в 1878 году и использовавшейся для производства выжимок из красного винограда. А ведь Себа даже разговаривает с перегонными кубами. При этой мысли на лице ее появляется улыбка: она не раз видела, как в производственном отделе он бывало вытягивался по стойке «смирно», а затем принимался обходить котлы, один за другим, салютуя им – ни дать ни взять, отставной лейтенант стрелковой дивизии. В эту работу он вкладывает свою душу – уж она-то точно это знает. Его граппы – самая большая любовь его жизни, сразу после Бьянки. Во всяком случае, она на это надеется...

Перегонный завод основал один из его прапрадедов в конце девятнадцатого века, и

спустя несколько поколений, когда отец ушел на пенсию, у руля встал Себа. Для него семья и это место – священные столпы, без которых настоящая граппа немислима.

Бьянка паркует «Ауди» на небольшой площадке, выложенной гравием, на вершине холма, и входит в виллу. Это тоже часть семейного наследия. Экстерьер эпохи неоклассицизма, интерьер же по желанию Себастьяно был изменен, и теперь на первом этаже просторная веранда. Она кладет ключи от машины на мраморную подставку и кидает сумку и куртку на огромный двенадцатиместный диван, обитый белой кожей.

– Милый, я дома! – кричит она так, чтобы было слышно в любом уголке дома. И действительно, через мгновение эхо подхватывает и разносит ее слова. Но ответа нет.

– Себа, ты здесь?

Молчание. Как и вчера вечером, и позавчера. В последнее время, вернувшись домой, она чаще всего не застаёт его. То встреча с маркизом Фрескобальди, то съемки для воскресной программы на RAI 1, то очередное собрание акционеров (это его брат и сестра – Лучо и Антонелла), то интервью с журналистом из «Тревелле» или с мисс Индии в стиле Болливуда для индийского телевидения, то работа над обновлением сайта... Разумеется, Бьянка понимает: поддерживать на плаву такую крупную компанию – особенно если хочешь, чтобы о ней узнали и за рубежом, – нелегкий труд.

Она поднимается на второй этаж, осматривается и снова пытается его позвать. Ищет в комнатах, в двух ванных, в тренажерном зале, в сауне. Тщетно. Потом входит в открытую дверь его кабинета – может, он оставил записку на столе? Он часто так делает. Но, пошарив, она находит лишь сложенный пополам лист бумаги:

«Имя: Клеопатра Амароне, фирменная граппа.

Бальзамические ароматы подножия гор Венето. Нотки мирры...»

Итак, послание явно не для нее, он придумывает новую граппу – это точно. Теперь понятно, почему в последние дни он витает в облаках! Когда творческий процесс в самом разгаре, он забывает о жизни вокруг. Себа всегда говорит, что нет одной граппы – их много, каждая хороша по-своему, со своим характером и историей, и для хорошего напитка нужен тонкий нюх и хороший вкус. Есть молодые граппы, с освежающим вкусом, настаивающиеся в дубовых бочках; есть зрелые – их Себа любит особенно – и ароматизированные. Бьянка обожает ежевичную. Это целый мир, и она пока не чувствует, что в полной мере принадлежит ему.

Она выходит из кабинета, и в этот самый момент в сумочке звонит телефон. Она сбегает по ступенькам и на бегу берет трубку.

– Себа!

– Любовь моя...

– Где ты? Чего ты хочешь на ужин?

– Любимая, к сожалению, я пока еще с Флавией. – Он говорит вполголоса – похоже, специально вышел, чтобы ей позвонить.

– А, ладно. Все ясно, увидимся через пару часов... Если хотите, когда закончите, приезжайте и все вместе поедим пасту.

Флавия – консультант по маркетингу из Милана – настоящая ударница труда; на работе она как сторожевой пес. Бьянка встречалась с ней пару раз по разным проектам по усовершенствованию поместья и решительно не понимает, как она умудрилась выйти замуж – притом за замечательного человека – и вырастить двоих детей. Лицо у Флавии грубоватое, она не из тех, кто способен поразить мужчину с первого взгляда, несмотря на

природное обаяние.

– Спасибо, милая, ты просто ангел. Но не знаю, сколько мы еще просидим. Боюсь, это дело затянется надолго. – Голос у Себастьяно усталый, должно быть денек выдался не из легких. – Клянусь тебе, я больше не могу. Мы тут пересматриваем маркетинговую кампанию на лето и план мероприятий. А тут еще идея о создании страницы на Фейсбуке по новой линии, платные объявления в «Твиттере»... Боже правый, я с ума сойду!

– Успокойся, родной, – ей жаль, что его не будет к ужину, но она уже привыкла: работа для него – святое. Хотя иногда Бьянка вырывается вперед. В такие моменты она старается стать для него лучшей спутницей: внимательной, понимающей, умеющей взбодрить и воодушевить.

– Себа, поверь мне, все будет хорошо, у вас снова все получится! К тому же Флавия просто молодчина.

– Это да, но когда она начинает задаваться и упираться – вот как сегодня – это уж слишком... Ладно, прости, что я тебя грузу, любимая... Я обещал тебе поужинать вместе, а сам... Чувствую себя дерьмом... – Голос у Себы звучал как у побитой собаки. – Но она ведь в Милане, когда еще вернется...

– Знаю, знаю.

– Так что надо пользоваться, пока она здесь, иначе придется ждать четыре месяца!

– Говорю тебе, не волнуйся! Не переживай за меня. Главное, чтобы у вас все получилось.

– Обещаю: завтра мы поужинаем вместе. Или даже – знаешь что? Поедем в Венецию, в Чиприани.

– Да, конечно... – осторожно отвечает Бьянка, словно ребенок, который изо всех сил хочет, чтобы его любили.

– К одиннадцати, максимум – половине двенадцатого, буду дома.

– Тогда увидимся.

– Спасибо, милая. Ты ведь дождешься, правда?

– Я всегда здесь и жду тебя. Целую!

– Так что, вы встречаетесь?

– Не знаю, Бьянка. Он еще в Нью-Йорке, на следующей неделе должен прилететь в Милан, но это какой-то кошмар.

– Не торопи его, Диана. Не строй из себя капризулю – «хочу все и сразу!» Не то рассержусь, обещаю...

– Я и не тороплю, но послушай! Пишу ему, что скучаю, что ужасно хочу его увидеть, а он? Посылает мне кучу сердечек по Ватсаппу. Нет чтобы позвонить – хоть бы разок! И не надо его выгораживать, мол, он за границей: он, и находясь в Италии, никогда мне не звонит. Сплошные эсэмэски и смайлики. Черт побери, неужели здоровый мужчина в тридцать девять лет не может нормально общаться? Или для этого ему нужны тупые картиночки? И это называется я многого хочу, ну конечно!

– Ну что ж поделать, таков уж он, постарайся его понять... – Бьянка пытается сбить нотки трагизма, но Диана не унимается. Они болтают уже минут десять – подруга рассказывает о своих отношениях с Кристианом Бьянки, клавишником из группы, победившей в последнем сезоне *X-Factor*. Они познакомились за кулисами на съемках шоу – Диана продюсер программы. Бьянка так и не поняла до конца, в чем заключается ее работа: знает лишь то, что она постоянно общается с актерами, создателями шоу, авторами, режиссерами, помощниками режиссеров, спонсорами, агентами, сетевыми директорами, – в общем, всем этим суматошным, безумным миром, где путаются роли и всем правит хаос.

Бьянка и Диана вместе выросли в Бассано, были неразлучны с самой начальной школы и до лица, пока последняя не решила поступить в Свободный университет языков и коммуникаций в Милане и не осталась там жить. Теперь она делит лофт в Порта-Нуова с двумя друзьями-геями, но часто приезжает в Венето к матери, которая живет в домике на окраине Бассано. Они всегда все знают друг о друге, и хотя по-разному смотрят на многое и нередко ссорятся, тем не менее глубоко и искренне привязаны друг к другу. Бьянка ценит свобододобивый нрав подруги, ее высокий полет, независимость – не столько экономическую (при ее образе жизни она нередко оказывается на мели), сколько духовную. В отличие от нее Диана никогда не боялась остаться одной, даже надолго.

– Звездочка моя, да я и пытаюсь его понять. Но проблема не только в неспособности общаться – просто вся эта ситуация такая запутанная!

«А когда тебе нравились простые ситуации?» – думает про себя Бьянка, но молчит – пусть Диана выговорится. Теперь ясно: именно для этого она и позвонила.

– Но как можно требовать от мужчины большего внимания, когда он музыкант, продюсер, отец, муж и бывший муж? Потому что та, на которой он сейчас женат, наверняка вторая! Вот как, скажи мне, Би? – в ее голосе слышатся нотки отчаяния. Должно быть, этот мужчина и вправду для нее много значит.

– Дело не в этом, а в том, чтобы понять, чего он хочет от тебя, а ты – от него.

– Ага, спасибо! Я и сама себя об этом спрашиваю... – Диана тяжело вздыхает. В этом вздохе слышится смирение, а может быть, попросту осознание ситуации. – Такое ощущение, что для него это был просто хороший секс.

Она умолкает, а затем продолжает, словно собравшись с новыми силами:

– И знаешь, что меня бесит больше всего? Он ведь в любви мне признавался, сволочь!

Да блин, в этом ведь не было необходимости! Мы оба – взрослые, привитые особи! Этого достаточно, чтобы говорить то, что важно, и молчать обо всем остальном, разве нет? Зачем давать мне ложную надежду?

– Не знаю, Диана, может, он и вправду любил... – отвечает Бьянка, может быть, даже мягче, чем хотелось бы, стараясь немного утихомирить подругу. – Просто потом, в какой-то момент, ты спускаешься с того облака, на котором сидишь, на землю и не знаешь, куда голову приклонить. Должно быть, действительность, то есть его счастливая семейка и все, что с ней связано, – заставила его задуматься и образумиться.

– Да это-то понятно! Но тогда молчи! Не надо говорить мне о любви – я же верю ему, чертову идиоту! А почему не верить? И поэтому говорю тебе: он говнюк! Если у тебя куча проблем – дочка, бывшая подружка, красивая жена, на которой ты год назад женился и с которой уже не спишь, концертный тур, депрессия, моменты ярости, когда готов взорвать мир... То есть, если ты в сорок лет еще не решил, что делать со своей жизнью, не надо говорить мне о любви, а потом пропадать... А, чуть не забыла, самый смак: теперь модно уходить по-английски, ничего не говоря, исчезать и даже не отвечать на сообщения. Все за гостинг!^[17] Как тебе такой расклад?! По-твоему, это нормально?

– Нет, это ужасно. Этому нет оправдания. Но насчет его чувств – не знаю. Может, он и правда в них верил, когда признавался...

– Ну да, конечно! Говнюк он, вот кто. Как и все мужики. И точка.

Категорично и окончательно.

– Хотя я еще успею спастись. Больше не намерена позволять всяким придуркам причинять мне боль. Хватит, наигралась. Хочется уважения, ясно? Уважения...

– Молодец! – верит ли она сама в то, что говорит?.. Бьянка невольно улыбается.

– Хотя, похоже, есть вероятность, что этот... – Она безуспешно пытается подобрать слово, – в общем, этот тип, наверное, самый классический пример говнюка. И уж от него никто не спасется.

– Пример... кого?

– Говнюка. Да-да, упрямой сволочи, которая способна выставить тебя полной дурой и втоптать в грязь по полной. От таких, как он, надо бы придумать вакцину и прививать всех девочек, чтобы никто не попал к нему в ловушку.

Бьянка смеется – до Себы у нее почти не было парней. Хотя с таким типом мужчин она встречалась и до сих пор отлично их помнит.

– Это точно, Би... Тот, кто придумает противоядие от говнюков, достоин нобелевки! Но хватит обо мне... Как у вас с Себой?

– Ничего, подружка, хотя его вечно нет.

– Тоже мне, новость, – саркастически парирует Диана.

– Он обещал, что сегодня мы вместе поужинаем, а вместо этого завис на работе, а я тут сижу дома, как гусыня, и жду его...

– И когда он только изменится?

– Думаю, никогда, но меня это устраивает, я не хочу его менять.

– Боже мой, дорогуша, ну какая ты молодец! Не знаю, как только ты терпишь такое к себе отношение, учитывая, сколько ты делаешь для поместья и его завода.

В ее тоне звучит плохо скрываемая враждебность. Диана никогда не любила Себастьяно. Когда Бьянка приняла решение отказаться ради него от карьеры, она всеми силами старалась заставить ее передумать.

– Если останешься здесь, ты совершишь огромную ошибку! Если он и правда тебя любит, то должен дать тебе свободу, позволить следовать за мечтой, и ты должна дать ему это понять!

И она так и не отступилась от своих слов, хотя со временем, похоже, поняла, что Бьянка сделала правильный выбор. Броситься в объятия Себастьяно было спонтанным решением, естественным поворотом судьбы: этот человек, старше ее на одиннадцать лет, мог дать ей тепло, защиту и уверенность в завтрашнем дне, которых ей так не хватало. Ведь расти без матери нелегко, помнить ее такой, какой она осталась в сердце с самого детства, видеть только на фотографиях и в поблекших воспоминаниях – своих и чужих. Даже если отец готов на все, чтобы облегчить боль утраты.

– Диана, ты несправедлива к Себе! Совсем он мной не пренебрегает. Просто это нелегко – тащить такую огромную компанию. Он взвалил на свои плечи такую ношу, это нужно понимать. Но он дает мне все, что нужно.

– Ну, раз ты так говоришь... Но как он может все еще тебе нравиться, после стольких лет? Ты заслуживаешь большего... Ты ведь красавица, во всех смыслах. Смотри, какая у тебя талия – а у него уже животик и совсем нет волос!

Она злобно хихикает. Диана беспощадна к нему, всегда говорит то, что думает. Знает, что Бьянка не обижается. К несчастью, она любит даже его жирок на животе, а его бритая голова кажется ей сексуальной – так его зеленые глаза кажутся больше.

– Слушай, а почему бы нам, вместо того чтобы перемывать косточки Себе, не пойти куда-нибудь поужинать?

– Я за!

– Что скажешь насчет крутейшего японского ресторана – недавно открылся по дороге в Венецию?

– Отлично! Себа нас туда все равно никогда не отвезет, он ненавидит суши... – снова в ход пошли шпильки. Бьянка не комментирует.

– Во сколько за тобой заехать?

– Я только немножко припудрю носик – минут через пятнадцать буду готова.

– Дорогуша, не торопись, я еще сама не переоделась после танцев.

– Понятно, – фыркает та. – Тогда давай через час. Знаю, сколько ты можешь провозиться.

– Заеду в девять.

– Жду.

Она щелкает пальцами, как всегда, когда спешит. При Себе этого лучше не делать – его бесит этот звук, но она ничего не может с собой поделать. Открыв на полную мощь горячую воду, она набирает чугунную ванну, снимает джинсы и майку. Затем подставляет руку под струю и, обжегшись, пытается отрегулировать температуру. Этот великолепный предмет интерьера начала двадцатого века остался от прежней обстановки поместья. Себа настоял на том, чтобы лично отреставрировать ее. В этот самый момент она слышит сзади приближающиеся шаги. Не успевает она повернуться, как сильные руки обнимают ее со спины. Ноздри наполняет его неповторимый терпкий аромат, и вот уже ее тело томится в его сладостном плену.

– Себа, что ты здесь делаешь?! – Бьянка поворачивается и смотрит ему в глаза. – Разве ты не должен был быть на работе?

– Так и есть, уже убегаю. – Себастьяно сжимает руками ее попку. – Просто, когда я услышал твой голос, во мне вдруг проснулось такое желание...

Он крепко целует ее в основание шеи, проводит языком, поднимается к уху, страстно и решительно. Его борода слегка щекочет ей лицо, она чувствует, как по всему телу разбегаются мурашки. Себа не отступает. Он крепко целует ее, одновременно расстегивая ремень и вынимая его, твердый и настойчивый. Он хочет взять ее прямо здесь, немедленно, стоя, прижав к стене ванной, быстро, как лопасти в дистилляционном кубе перемалывают виноградную мякоть. Она даже не пытается сопротивляться – знает, что битва уже проиграна; только обхватывает ногами его бедра, руками – его бычью шею и позволяет этой безудержной силе захватить себя. Кажется, будто Себа не занимался этим уже месяц, хотя на самом деле секс у них был прошлой ночью. Хотя, конечно, как всегда, на бегу – таков уж он, переходит сразу к делу, предварительные ласки его не интересуют.

Тем временем Себастьяно проникает внутрь ее, притягивает к себе, сжимая ягодицы, двигает вверх и вниз, продолжая ласкать языком шею. Она начинает что-то чувствовать, но для истинного наслаждения нужно время, которого как раз сейчас и не хватает, потому что он уже кончает. Последний толчок, он проникает до самого дна – и выходит. Спальня оглашается сдавленным хриплым криком.

– Боже, как я тебя люблю! – Себастьяно крепко целует ее в лоб, одновременно застегивая брюки.

Одна рука скользит туда, в ее разгоряченную и пока не удовлетворенную промежность, он щиплет ее:

– Моя картошечка... Красавица! – Потом он с минуту смотрит ей в глаза и принимается вылизывать щеки. – Красавица, красавица, красавица! – последним поцелуем он запечатывает ей рот.

Бьянка улыбается ему, легонько встряхивая головой.

– Поговорим, когда вернешься, ладно?

Он берет ее руку и прикладывает к брюкам: под ними он все еще твердый.

– Клянусь: сегодня ночью, когда вернусь, я сведу тебя с ума.

Бьянка выходит из ванны и аккуратно ставит ноги на пол из лавового камня. Затем берет полотенце с пола и оборачивает вокруг тела, завязав на уровне груди. При соприкосновении со свежим воздухом кожа словно электризуется, пробуждается от неги, в которую ее окутали

пузырьки гидромассажа.

Она берет из ящика масло с цветами тиаре и умащивает все тело, в особенности бедра и зону вокруг пупка. Между бедрами и ягодицами есть небольшие растяжки – всякий раз при виде их она испытывает досаду; но в то же время она прекрасно знает, что после тридцати не стоит ждать многого. Чтобы быть в гармонии с собой, нужно научиться принимать свое тело таким, как есть.

И все же ее кожа улучшилась; скраб с маслом макадамии сделал ее мягче.

Она рассматривает свое отражение в зеркале. Кожа белоснежна, и эта белизна подчеркивает малейшее несовершенство. С другой стороны, она всегда была строга к себе – гораздо строже, чем к другим.

Приподнимается на цыпочках; насколько было бы лучше, будь я сантиметров на пять выше, думает она. Чтобы хоть как-то компенсировать свои метр шестьдесят, она носит туфли на головокружительных каблуках, которые напрочь убивают ее ноги, и без того подвергающиеся постоянной пытке танцами.

Она оглядывает поясицу со всех сторон: с одной стороны, выглядит она как-то невнятно, по бокам словно пустая, но, с другой – она ничего не имеет против маленькой попки; надо бы только немного ее подкачать, думает она, проводя по ягодицам пальцами и приподнимая их.

Затем берет крем с гиалуроновой кислотой и наносит на ягодицы, а потом проводит вокруг груди. Вот ее она не отказалась бы иметь немного побольше, а не этот второй размер, стремящийся скорее к первому, чем к третьему. Но для танцев – то, что нужно, к тому же она совершенно не намерена обращаться к пластическому хирургу. От одной только мысли у нее начинается паника. Во-первых, это отрицательно скажется на имидже – почти все звезды танцев плоские. Во-вторых, Себа и так от них без ума, их форма – как бокал для шампанского – идеально ложится в руку. Хотя она маленькая и хрупкая, но тело гармонично сложено, с точеными формами... К тому же пуш-ап творит чудеса!

Вот и сейчас на ней бюстгальтер-балконетт из синего кружева и трусики в тон. Она достает из шкафа свои лучшие джегинсы (тоже с эффектом пуш-ап в области ягодиц), синюю шелковую маечку и черную облегающую кожаную куртку с золотой молнией, к ней – черные же туфли с открытым носом на позолоченной шпильке. Отличный прикид для выхода с Дианой. Смотрит на часы – еще двадцать минут на макияж. Она идет в спальню и садится за туалетный столик в стиле рококо, с овальным регулируемым зеркалом и банкеткой, обитой розовым бархатом. Это также часть антикварной обстановки виллы, в которую Бьянка влюбилась с первого взгляда и которую ей благосклонно уступила «свекровь».

Лицо у нее немного усталое – наверное, из-за месячных, – а кожа на лбу красноватая из-за сделанного два дня назад пилинга. А ведь она просила косметолога работать аккуратнее, но та не слушала – и вот результат. Лицо светится, чистое и гладкое, ничего не скажешь, но в некоторых местах болит. Кожа у нее чувствительная, раздражается от всего. Даже от бороды Себастьяно, когда он не бреет ее несколько дней. Если целует в шею – это самая настоящая катастрофа – последний раз это случилось совсем недавно. Хотя пытаться его унять еще хуже, так что она смирилась... в конце концов, раздражение на коже можно вылечить. Она проводит по коже ватным тампоном, пропитанным очищающим тоником на основе лепестков розы, затем наносит гель – легкими движениями от контуров глаз к вискам. Глазам она уделяет особое внимание, ей очень нравится их цвет: цвет неба, который в счастливые моменты становится ярко-синим, а в минуты грусти – бледно-голубым. Время от

времени она делает тонизирующие компрессы с травяным настоем на основе зеленого чая, и тогда этот небесно-синий цвет приобретает особый блеск. Но сейчас ей некогда, Диана придет в ярость, если она опоздает; поэтому просто убирает налет усталости при помощи корректора, туши, придающей объем ресницам, и подводки. Наконец, слой компактной пудры, румян и прозрачный блеск для губ. Немножко: слишком яркий макияж старит.

Волосы Бьянка почти всегда носит собранными, даже вне уроков танцев. Все дело в том, они слегка волнистые, а она не выносит беспорядка на голове. Укладка ей удастся не слишком хорошо, она пыталась сделать их гладкими или кудрявыми при помощи плойки, но ничего хорошего из этого не вышло. Уж лучше собранные. Она слегка проводит феном, чтобы придать волосам объем, затем зачесывает назад и приподнимает над затылком, завязывая черной резинкой в высокий хвост. Пинцетом вырывает из каштановой гривы седой волос. Это ее кошмар! Впервые он вырос, когда ей было двадцать, и с тех пор постоянно растет на одном и том же месте. История повторяется из раза в раз: она его вырывает, а он вырастает снова, на том же самом месте, крепче прежнего.

Затем надевает кулон-капельку. За эти годы она несколько раз меняла нить – сначала черный шнурок, подаренный Сарой, на леску, потом – на тонкую серебряную цепочку; но кулон – серебряную капельку с заключенным внутри синим камушком, под цвет ее глаз – она бережно хранит.

Он чуть больше ногтя, неброский, Бьянка снимает его, лишь когда моется или ложится спать, но всегда кладет на прикроватную тумбочку как талисман, который ее защищает и согревает.

Каждый раз, надевая его, она вспоминает о матери. Вот и сейчас. Она застегивает цепочку и на секунду поворачивается к комоду. Там, в рамке из светлого дерева, фотография Сары, где ей чуть больше двадцати. Бьянка смотрит на нее, и кажется, будто она глядит в зеркало. Они похожи, как две капли воды: те же глаза продолговатой формы, только цвет другой: у Сары они нежно-орехового оттенка, те же губы, маленькие, но четко очерченные, высокий открытый лоб и этот нежный, доверчивый взгляд. Саре было всего тридцать, когда ее не стало, а Бьянке – девять, и она не понимала, что происходит с мамой. Тогда ей не сказали, что у нее за болезнь – все говорили общо и очень тактично о «тяжелом недуге», а Сара молча терпела и всегда улыбалась Бьянке. Она ушла бесшумно, как уходят самые чистые души, но прежде, чем навсегда закрыть глаза, сняла с шеи этот серебряный кулон и надела на шею Бьянке. Она усадила дочурку на свою постель и шепнула на ушко: «Девочка моя, всегда следуй за своей мечтой».

Следуй за мечтой. Эта фраза словно впечаталась в ее сердце. С ней Бьянка прошла переходный возраст, годы бунтарства, и даже сейчас иногда ей кажется, что эхо этих слов нет-нет да и пробьется сквозь толщу страха. Может быть, ее мечты были слишком хрупкими и смелыми, как кристаллы соли, которые испаряются, но не исчезают до конца.

К горлу ее подступает ком, и она смотрит в ласковые глаза матери в поисках света, ответа. Гордится ли она тем, какой стала ее дочь? «Как знать, чего ты сама хотела для меня? – думает Бьянка. – Может быть, я все сделала не так, может быть, заслуживаю большего, а может, и вовсе уже не знаю, о чем мои мечты. Если бы ты была сейчас со мной...» Она пытается представить хоть один день вместе – тогда эта неразбериха улетучилась бы сама собой. Бьянка делает глубокий вдох, сглатывает комок. Ты здесь, со мной, я чувствую, говорит она себе, будто собираясь с духом. И всегда будешь рядом, за горизонтом, как песнь, летящая в небо. Песнь каждого дня, звучащая в тиши, в радости и

горе, в счастье, которое дарят простые мелочи. Я не имею права жаловаться, строго заключает она: отказавшись от мечты стать звездой сцены, взамен получила мужчину своей мечты... С которым живу как принцесса.

Теперь Бьянка улыбается, оглядываясь вокруг. Она думает о Саре, которая всегда говорила, что когда-нибудь она станет принцессой и будет жить в замке. И вот он – ее замок. И даже принц есть. Все чудесно так, как есть, повторяет она про себя, даже если и несовершенно. Но именно для этого и существуют посиделки с Дианой.

– Добрый вечер! – приветственно кричит Диана, широко улыбаясь, и помада медного цвета поблескивает на ее полных губах. Бьянка следует за ней, сдержанная и элегантная, в полной гармонии с этим местом.

– Добрый вечер, добро пожаловать, – девушка в японском кимоно цвета антрацита – ресторан «Каикая» – один из последних в районе, принадлежащий не китайцам, – приветственно кланяется.

– Мы хотели бы столик на двоих, – продолжает Диана, и Бьянка с готовностью уступает ей сцену. Когда они вместе идут гулять, Диана неизменно берет на себя эту роль. У нее природный дар убеждения официантов, которые всегда предлагают ей лучший столик.

– Вы бронировали? – спрашивает та снисходительно, почти высокомерно.

– Нет... – лицо Дианы принимает выражение потерянного олененка. – Но мы уже были здесь дважды и нам очень понравилось...

«Да ведь мы же первый раз сюда приехали!» – думает про себя Бьянка, но ничего не говорит, поддерживая игру.

Японка тоже понимает, что эта рыжая рассказывает сказки, но проникается к ней симпатией и решает пойти навстречу:

– Хорошо. Секундочку, проверю, есть ли свободные столики.

Она скрывается за занавеской. Бьянка осматривается, вдыхает аромат, внимательно изучает вход и интерьер соседних помещений.

– Какое красивое место! Как хорошо, что ты вернулась в Бассано и вытащила меня на этот ужин!

Диана с улыбкой кивает.

– Конечно, если мы будем ждать этого бесчувственного Себу... Здесь так чистенько, правда? Интерьером занималась одна из крупнейших миланских дизайн-студий.

– Ну, это видно по результату! – Бьянка с интересом изучает инсталляцию из бамбуковых стеблей, которые, словно лучи, спускаются с потолка.

Стены вестибюля отделаны облицовочным кирпичом, в двух дзен-фонтанчиках журчит на круглых камнях вода; стены, обшитые панелями светлого дерева, расписаны хайку и украшены сплетенными ивовыми ветвями; с потолка свисают фонари из рисовой бумаги, горят свечи, на столах стоят белые орхидеи. Фоном звучит восточная музыка – Бьянка в этом ничего не понимает, но на современную непохожа, – она успокаивает и увлекает за собой, в пространство полного умиротворения. Это идеальное место для романтического ужина, думает Бьянка в ожидании вердикта: найдется ли для них место в этом раю?

Спустя несколько мгновений девушка в кимоно возвращается.

– В данный момент все столики заняты, но один скоро освободится. Не желаете ли пока подождать за стойкой...

– А долго ждать? – спрашивает Бьянка, слегка покачиваясь на каблуках.

– Думаю, минут десять, максимум – четверть часа, – отвечает японка, как бы желая их подбодрить.

Подруги переглядываются и кивают друг другу.

– Хорошо, мы подождем, – отвечают они хором.

Они оставляют официантку и подходят к стойке из черного глянцевого мрамора,

украшенной маленькими белыми свечками в виде цветка лотоса. За стойкой молодой шеф в форме дымчато-серого цвета и черной бандане на голове направляет что-то вроде газовой зажигалки на нарезанные ломтики тунца, затем смазывает их масляной смесью и посыпает семенами мака. Каждый жест наполнен сосредоточенным вниманием – наблюдать за ним одно удовольствие, к тому же это хорошо расслабляет. Да и парень он симпатичный, думает Бьянка: ей нравятся парни с восточной внешностью, а этот еще и довольно молод, но при этом мастерски делает свою работу.

Словно заметив, что за ним наблюдают, шеф приветственно машет Бьянке и Диане, которые присели на высокие стулья у стойки, и ставит перед ними маленькое блюдо с урамаки из риса, лосося и авокадо.

– Пока вы ждете... угощение за счет заведения, – произносит он вкрадчивым голосом, подмигивая обеим.

– Спасибо, – отвечает Бьянка с воодушевленной улыбкой. Неужто он к ним клеится? – думает она, внезапно понимая, что он годится ей в сыновья.

Диана пробует первой, уплетая урамаки в один заход.

– Вкуснотища! – восклицает она, облизывая губы, а молодой шеф весело за ней наблюдает. Она не из тех, кто привык сдерживаться – ни с едой (ей повезло: пищеварение у нее даже после тридцати работает, как атомная станция), ни с мужчинами.

Бьянка же пробует медленно, чтобы прочувствовать все оттенки вкуса, и только потом глотает.

Некоторое время она сидит, уставившись в одну точку и подбирая слово:

– Нежно, – произносит она наконец, глядя и на шефа, и на подругу, – очень вкусно! Как давно я не ела японскую еду...

Она вытирает рот бумажной салфеткой, хотя вытереть нечего, и поворачивается к Диане:

– Ну давай, расскажи про этого типа... На чем мы остановились?

– Забудем об этом, дорогая, – отвечает Диана с таким видом, будто ей вlepили пощечину.

– Значит, ты вообще не хочешь видеть этого Кристиана?

– Это не я не хочу его видеть. Это он исчез, растворился. Гробовая тишина. И уж точно не собираюсь первой ему писать. И вообще стерла его номер.

– Да ну, будто это что-то значит... – саркастически ухмыляется Бьянка. – Потом ты восстановишь его из памяти другого телефона или из какого-нибудь блокнотика. Слушай, рыжая, я тебя тридцать лет знаю!

– За кого ты меня принимаешь? Я правда удалила его отовсюду! Решила, что от говнюков надо защищаться. Любой ценой.

– Это да, но есть все равно куча способов продолжать общаться. Ты удалишь номер, а потом начнешь преследовать его в Твиттере. Там-то ты еще на него подписана, угадала? – Бьянка говорит наобум – на самом деле она совсем не пользуется соцсетями, даже в Фейсбуке не зарегистрирована.

– Да, признаю. Это теперь единственный возможный канал связи. Но не стану им пользоваться, даю слово!

– Точно? Я тебе не доверяю, ты слишком склонна к самоуничтожению. Как с тем диджеем, из-за которого ты упала с седьмого неба прямо в пропасть депрессии, – сколько ты за ним бегала?

– Энди стоил этой беготни, – Диана вгрызается в еще один урамаки и с жадностью поглощает его.

– А мне кажется, что он вытер об тебя ноги.

Диана пожимает плечами, как бы говоря: «Что было, то было, бессмысленно вспоминать».

– Теперь он с какой-то миланской моделью, на шестнадцать лет младше его. Целочка. И как это я думала его заинтересовать?

– А я не понимаю, как ты могла потратить столько энергии на этого клоуна.

– Ну, ты говоришь как взрослая, умудренная опытом женщина, хранительница очага... А для меня любой опыт хорош. И вот что я поняла: теперь не приму крошек и объедков: мне нужен мужчина, который всегда рядом, чье присутствие я постоянно чувствую.

Похоже, она уверена в том, что говорит, и в то же время что-то ее отвлекает.

– Но клянусь, теперь мне нужно с головой уйти в работу, я сейчас занимаюсь художественно-документальным фильмом для «Скай», – объясняет она и пристально смотрит в одну точку.

– Кто это? – заметив, спрашивает Бьянка. – Куда это ты смотришь?

– Так, ничего... Мне показалось, что я увидела Себастьяно.

– Ну уж нет – он и японский ресторан? Никогда! – Бьянка едва не смеется от абсурдности такого сравнения.

И все же Диана уверена, что это он. И это в самом деле он. Теперь, приглядевшись, она в этом убеждена. Она берет с блюдечка последний урамаки.

– Да прекрати ты смотреть в пустоту! – не выдерживает она и аккуратно кусает рулетик из риса, снова забыв о палочках.

Диана дергает ее за руку и кивает в сторону точки, в дальнем конце зала.

– Посмотри сама – он это или не он?

Бьянка слегка наклоняется над стойкой, приглядывается. И хотя она видит его только в профиль, сомнений нет: коротко стриженные темные волосы, чуть реже на висках, щетина, не бритая несколько дней; могучие плечи, крепкие руки, мускулы, выпирающие из-под синей рубашки-поло. Черт, это он! Урамаки застревают у нее в горле, когда она понимает, что он за столиком не один.

– А это еще кто? – начинает закипать Диана.

– Флавия, консультант по маркетингу из Милана.

Бьянка немедленно поворачивается к нему плечами и заставляет Диану сделать то же самое. Абсурднее ситуации не придумаешь! Что, черт возьми, делает Себа вместе с этой миланкой? Разве они не на работе?

Бьянка принимается судорожно размышлять, в мозгу проносятся вереница ужасных картинок. Она пытается ухватить их, но кровь немедленно приливает в голову, и щеки начинают полыхать. Да нет, это просто фантазии, убеждает она себя. Успокойся, Бьянка. Наверняка они обсуждают детали проекта. В конце концов, Себа ведь не сказал, где они будут работать.

Они сидят за самым дальним столиком, на подиуме. Отличное расположение – вдали от всех, у окна, из которого открывается вид на холмы. Бьянка не может отвести от них глаз. Они едят темпуру – из тех, что с виду похожи на креветок, но на самом деле, скорее всего, обычная морковь.

«Хотя вряд ли, – думает она, – скорее всего, это и вправду гигантские креветки,

учитывая ненасытность Себы, который ни за что не наестся овощами».

Едва она успевает об этом подумать и укорить себя за несправдливые подозрения, как замечает, что на Флавии – платье без рукавов с глубоким вырезом; к тому же она гораздо более ухожена, чем в их последнюю встречу, возможно, даже слишком. Светлые волосы уложены, кончики слегка подвиты, а грудь – боже ты мой! – кажется, она вот-вот вырвется из платья. Сама Бьянка вдвое меньше этой женщины, и если иногда она и казалась самой себе маленькой рядом с Себой, то теперь чувствует себя попросту невидимой.

Она чуть приподнимается на каблуках, чтобы лучше видеть, и то, что предстает взору, совсем ей не нравится. Он нежно гладит шею Флавии, она улыбается, и Себа радостно улыбается ей в ответ. Бьянка поворачивается к Диане в поисках поддержки или утешения. На лбу ее выступает холодный пот, и капелька его стекает по виску к нижней челюсти. Диана это замечает – уж она-то знает, что это означает для ее подруги, всегда такой спокойной и сдержанной.

– Я молчу, – говорит она, вскидывая руки, – ты и так знаешь, о чем я думаю.

Бьянка не отвечает и продолжает за ними наблюдать. Себа ведет себя вовсе не как директор компании, и то, что она чувствует – вернее, те волны, что исходят от столика и долетают до нее, – совсем не похожи на рабочую обстановку. Что это еще за ласки? И этот заговорщицкий смех, эти долгие взгляды...

Теперь он берет кусочек сашими (а ведь он *ненавидит* японскую кухню!) и умело отправляет ей в рот, а она впивается в него, словно играя в какую-то грязную игру. Ну нет, это уже слишком!

«Спокойно, Бьянка, – говорит она себе, – не нервничай, может быть, ты все не так поняла, может, ты что-то пропустила...» Перезагрузка – вот чего ей не хватает. Но, черт возьми, эти двое продолжают смеяться и ласкать друг друга. Это кино крутится не у нее в голове, а прямо перед глазами.

– Слушай, давай подождем снаружи, – внезапно предлагает Диана.

– А?.. – ошарашенно смотрит на нее Бьянка. Предложение кажется ей бессмыслицей.

– Я говорю, пойдём отсюда. Подождем, пока они выйдут и посмотрим, что будет дальше...

– Да что будет-то? – спрашивает она Диану, но на самом деле – саму себя. Потому что в глубине души ужасно боится, что знает ответ.

– Если ты доверяешь Себе, то не должна бояться того, что увидишь, потому что ничего не произойдет, – продолжает Диана, как будто прочитав ее мысли. Теперь она пытается ее успокоить, но сделать это не так-то просто.

– Вот именно.

– Да ладно тебе, раз уж закралось сомнение, его нужно развеять. Вот увидишь, ты окажешься права, это просто я всегда плохо думаю о Себе, – уговаривает ее Диана. Похоже, она пошла на попятную и теперь хочет только подбодрить подругу, которая сидит в полном ступоре.

– Повторяю: ничего страшного не произошло, уверена. К тому же даже если произойдет, – тут она делает глубокий вдох, – хочу, чтобы он сам мне об этом сказал. Не собираюсь за ним шпионить.

– Бьянка, ну хоть раз в жизни послушай меня! – Диана хватается за плечи. – Пойдем отсюда, спрячемся на парковке и подождем их. Так у нас будет доказательство, что все в порядке. Он ничего не узнает, поверь мне!

– Диана, ты с ума сошла? Ты уговариваешь меня сделать огромную глупость! – На самом деле, если быть откровенной, не такая уж это и глупая идея. – К тому же что о нас подумают в ресторане? Мы ведь просидели все это время за стойкой. Ты сама им скажешь, что мы уходим? – конечно, это просто оправдания, и она прекрасно это понимает.

– Вот уж это должно нас волновать в последнюю очередь. Предоставь это мне, солнце. Бьянка фыркает, но ей остается только смириться.

– Ну ладно, как скажешь. Не знаю, почему я всегда слушаю твои бредовые идеи. Но так и быть, пусть будет этот фарс, – соглашается она.

«Это просто фарс», – говорит она себе, а сердце разрывается на тысячу кусочков. Диана элегантно жестом подзывает девушку, которая встречала их.

– Все в порядке? – спрашивает официантка. – Через несколько минут ваш столик будет готов.

– Дело в том, что моей подруге срочно нужно бежать, – на лице у Дианы – смесь сожаления и стыда. – Ей совершенно неожиданно позвонили, и нам действительно пора...

Бьянке не приходится даже притворяться – у нее такое обеспокоенное лицо, что история Дианы кажется чистой правдой.

– Нам так жаль, – говорит она, надевая кожаную куртку, прежде чем успеет передумать.

– Мы обязательно вернемся завтра вечером, – Диана изображает даже некое подобие восточного прощания: складывает руки на груди и слегка кланяется.

– Хорошо. Мы будем вас ждать. До свидания, – задумчиво отвечает девушка.

– До свидания, – отвечают подруги хором и выбегают из ресторана: Диана с некоторой наглостью, Бьянка с таким видом, будто уже пожалела. Это последний раз, когда она идет на поводу у своей чокнутой подружки!

– Ну теперь-то можно сказать? Все эти годы я была права... – Диана откусывает кебаб, глотает и выпаливает: – Себастьяно – просто говнюк.

– Знаю, ты его ненавидишь, – отвечает Бьянка, отодвигая сиденье «Ауди А1» назад и открывая до середины окна, чтобы впустить в салон немного воздуха. – Ты возненавидела его с первого дня, как увидела нас вместе.

– Я ненавижу не его, а вообще всех мужиков. – Диана подбирает с юбки кусочек курицы, выпавший из пакетика, отправляет в рот и глотает, почти не жуя. – Все они – говнюки!

– Ты так говоришь просто потому, что тебе попало несколько козлов подряд, включая последнего, – пытается урезонить ее Бьянка. Ей не нравится этот тон, полный злобы и разочарования. Тем более что Диана ищет грязь сама, с фонариком. Конечно, ей жаль, что у подруги ни с кем не складываются отношения, но это не значит, что нужно вымещать злость на Себастьяно. Да, он всегда уделял ей недостаточно внимания, это так. Но называть его говнюком – это уж слишком. Конечно, он проводил с ней мало времени, особенно в последнее время, но ведь это на благо компании. «Или он все врал?» – спрашивает она себя.

Сочинил красивую сказочку, дарил дорогие подарки, обеспечил всем необходимым. У нее все было в избытке – вот разве что нежности не доставало. А может, она просто была слепой, не видя этих пробелов, молчания, к которому привыкла, сама того не заметив?

– Нет-нет, говорю тебе, они все говнюки, это у них в ДНК! – произнося эти слова, Диана понимает, что в отличие от подруги, которая только-только открыла для себя этот тип мужчин, с ней они всегда были такими. Но почему? Что в ней не так? Может, она многого хочет? Может, чересчур давит, как многие говорят?

– Ну, надеюсь, что у Себы ДНК отличается и он не обычный альфа-самец. – Бьянка делает глубокий вдох, полный беспокойства и надежды, но и сама не верит в то, что говорит. Она кладет на приборную панель пакетик с кебабом.

– Ты и есть не будешь? – спрашивает ее Диана, жуя лепешку с кусочками курицы. – По-моему, этот кебаб не так уж плох.

– Да я его сейчас в окошко выброшу! – взрывается Бьянка. И все же она не может всерьез сердиться на Диану, и на лице ее появляется некое подобие улыбки, но скорее нервной, чем ироничной. Ей не терпится, чтобы все это закончилось. Потому что закончится все очень скоро – хорошо или плохо.

Выйдя из ресторана, как две воришки, они, чтобы не остаться голодными, направились напрямиком в киоск через дорогу, а теперь сидят вдвоем в машине, в дальнем конце парковки, перед рестораном, и ждут. Бьянка – за рулем, Диана – рядом. На дворе – теплый майский вечер, светит полная луна, небо усыпано звездами, а они играют в детективов.

– Ты мне скажешь наконец, что мы делаем? Ну, пожалуйста! Играем в лейтенанта Колombo? – нетерпеливо спрашивает Бьянка, не в силах отвести взгляда от двери ресторана. Всякий раз, как она открывается, у Бьянки подскакивает сердце. – Ты хоть понимаешь, как комично мы выглядим? Нет уж, подожду его дома, там и спрошу...

Но подруга не сдается, а только усиливает хватку.

– Бьянка, твоя вера в него так трогательна! Но теперь давай взглянем правде в глаза. В эту самую секунду он засовывает язык ей в рот, а может, и кое-что другое...

– Вот сейчас ты преувеличиваешь! – Бьянка повышает тон, хотя вывести ее из себя не

так-то просто, но эта картинка переворачивает все внутри с ног на голову. По спине ее стекает капелька пота, от волнения она сама не своя. Теперь остановить ее невозможно.

– Прости, ты права, это было бестактно. Но это сильнее меня, – выражение лица у Дианы извиняющееся: она думает, что неплохо было бы поставить дамбу, чтобы остановить тот поток слов, который рвется наружу и который она не в силах сдерживать, особенно когда она пытается защитить тех, кого любит больше всего на свете, например Бьянку.

Подруга улыбается ей.

– Знаю, ты желаешь мне добра. Но тут еще все надо доказать. Не беспокойся, все в порядке.

Конечно, между ней и Дианой все нормально. А вот что творится в ресторане...

– Только, пожалуйста, сделай потише, не то нас сразу же заметят.

Диана шарит на сенсорной панели магнитолы и переключает трек, выбирая в айфоне плей-лист своего любимого дип-хауса. На дисплее высвечивается имя Нины Кравиц.

– Отличный выбор, – замечает Бьянка, хотя, по правде говоря, она никогда не понимала ни хаус, ни разные поджанры: дип, андеграунд, электро, фанки, транс. Но, сосредоточившись на музыке, легче отвлечься от дурных мыслей. Потому что на самом деле ей страшно и не хватает духу пойти и увидеть то, что творится совсем рядом.

– Еще бы, она лучшая из лучших! Непревзойденный диджей, – воодушевленно откликается Диана. – Представь, она все еще играет на виниле, не то что некоторые... – О музыке она готова говорить часами, но при виде лица Бьянки умолкает. – Я тебя не брошу ни на секунду, ты ведь знаешь? Боишься?

– Делай как знаешь... – Бьянка машет в сторону ресторана.

– Знаю, что это почти невозможно, но постарайся успокоиться. Если кому это и под силу, то только тебе.

После этого дурдома Диана пытается подбодрить Бьянку, но выходит неуклюже, и к тому же неуместно.

– Ну подумай: что самое страшное может случиться? Мы поедем за ними и увидим, что он оставляет ее на парковке завода; там они попрощаются, она сядет в свою машину и отправится в Милан – или куда там ей нужно. Но тогда ты, по крайней мере, будешь спокойна, так?

Она сворачивает пакет из-под кебаба и запихивает в нишу на двери. Вкусно, но тяжело: она будет переваривать его до утра; а ведь с курицей еще был самый легкий! Она выпивает полбанки кока-колы в один глоток.

– Не знаю, Диана. Пока мне все еще кажется, что мы делаем большую глупость.

Голова у Бьянки разрывается от сомнений, от ужасных кадров того, что могло предшествовать той сцене в ресторане. Она чувствует, что вот-вот потеряет сознание или у нее сдадут нервы, а желудок сжался от нетерпения. Ей хочется только одного: поскорее увидеть, чем закончится это кино, – хотелось бы, чтобы это был хеппи-энд.

– Хотя бы раз в жизни ты можешь мне довериться?

– Вообще-то я тебе всегда доверяла.

В этот самый момент открывается дверь ресторана. В свете луны появляются два силуэта, – их ни с кем не перепутаешь, тем более их подсвечивают маленькие фонарики в клумбах. Это они.

– Вот они! – Диана вытягивается на сиденье и тычет пальцем в лобовое стекло, ерзая, будто ужаленная, от любопытства и волнения.

– Ш-ш-ш! Ты что, ненормальная, пригнись, не то нас увидят!

Это они, Себастьяно и Флавия, идут под ручку. Бьянка не верит своим глазам и уже хочет отвернуться, но не выходит. Они приближаются к «Порше Кайен», припаркованному в первом ряду: это машина Себы. Он открывает перед ней дверь, помогает сесть... И это вовсе не джентльменский жест! Он хорошенько шлепает ее по заднице. Вот сволочь... Затем Себа и сам садится за руль. Фары «Кайен» загораются, он включает двигатель. Машина ревет, Себа жмет на газ и трогается с места. Бьянка в буквальном смысле задыхается. А Диана хлопает ее по спине:

– Давай же, вперед!!!

– Нет, не верю. Да нет, это невозможно... – Бьянка до упора выжимает газ «Ауди А1». – С Флавией? Да она замужем, у нее двое детей, к тому же она страшная! – Она с трудом осознает, что сама произносит эти слова.

– Родная, кто на это смотрит, когда изменяет? Да у нее вид профессиональной шлюхи. – Диана уже не сдерживается и не фильтрует слова. – Но дело даже не в ней, а в нем – это он дал тебе обещание, этот говнюк! Запомни!

Бьянка думает лишь о том, чтобы не упустить «Кайен»; она пристально всматривается в дорогу, которая внезапно стала уже и темнее.

– Куда они, черт возьми, едут?

«Порше» несется на головокружительной скорости, а «Ауди» едва за ним поспевает, пытаясь в то же время держаться на безопасном расстоянии. Шоссе давно осталось позади, они выехали на проселочную дорогу меж холмов, где мало домов и почти нет света.

Себастьяно едет слишком быстро, постоянно ускоряясь, поворачивая, тормозя и снова ускоряясь. На дороге он просто зверь, пожирающий асфальт, стремящийся как можно скорее достигнуть цели.

– Да уж, ну и место он выбрал, засранец!

Диана вне себя от ярости и все молотит кулаками приборную панель, влезая на территорию Бьянки, шлепает ее что есть силы по коленке, таким образом выражая солидарность.

– Ай! Ты чего, совсем? – Бьянка слегка виляет – к счастью, на дороге в этот час почти никого нет, – потом снова прибавляет скорость, стараясь сохранять равновесие. – Я и так ни черта не вижу, первый раз на этой дороге, и вся эта дурацкая ситуация, а тут еще ты!

– Давай я поведу! – с готовностью предлагает Диана.

– Еще чего! – Бьянка отлично знает ее стиль вождения – мягко говоря, нетривиальный, а когда Диана взволнованна, он становится еще хуже... – Боже, они замедляются!

Она идет по запутанному следу «Кайен», в жилах пульсирует кровь, все тело трясет от ярости. В отличие от Дианы Бьянка не может выплеснуть ее наружу, и это ужасно давит.

«Кайен» съезжает с главной дороги, выезжает на грунтовую тропинку. Бьянка тормозит, ждет и тоже поворачивает. Внезапно они будто проваливаются в никуда: только усыпанная гравием дорожка, а вокруг – лес у подножия горы, который в лунном свете отбрасывает пугающие тени. Они едут медленно – это нелегко, но не может же она встать вплотную к машине Себы. На этой тропинке это выглядело бы подозрительно.

«Кайен» рывками движется вперед, поднимая клубы пыли, затем с громким ревом, как убегающий от погони зверь, исчезает за поворотом. Бьянка останавливается и глушит мотор.

– И что теперь? – непонимающе смотрит на нее Диана.

– Лучше пойти пешком, иначе он поймет, что за ними следят, – отвечает она почти шепотом. Слова даются ей с трудом, сердце бьется как бешеное. Она уже все поняла, но не хочет видеть, не хочет верить...

– Да, пожалуй, ты права. – Диана открывает дверь, уже готовясь выходить, но Бьянка хватает ее за руку и останавливает.

– Нет. Сиди здесь, – жестко говорит она. Лоб ее напряжен, глаза сузились, они полны беспокойства и отваги.

– Я должна увидеть это одна, что бы там ни было...

Диана высвобождается.

– Я не собираюсь бросать тебя в такой ситуации!

– Пожалуйста. – Бьянка открывает дверь и выходит из машины. Вокруг оглушительно стрекочут цикады.

Диана снова пытается идти за ней.

– Ну, пожалуйста, позволь мне пойти с тобой!

Но Бьянка непреклонно качает головой.

– Постарайся понять меня, – бормочет она вполголоса и, включив фонарик на телефоне, направляет его на дорогу.

– Ну ладно, – Диана, вздохнув, останавливается. Ей ужасно хочется пойти вместе с подругой, но она ее знает: если уж Бьянка что-то решила, спорить бесполезно. И, может быть, на этот раз так будет лучше. Она будет рядом, когда подруга об этом попросит, если попросит, и когда ей это будет нужно.

– Но если не сможешь, позвони, и я приеду. Хорошо?

– Спасибо. Но я справлюсь. *Должна* справиться.

Бьянка идет медленно по грунтовой дороге, каблуки пошатываются, то и дело застревают между камешков. Синеватая подсветка телефона сливается с белым лунным светом, выписывая на дороге концентрические круги. Вокруг – полнейшая тишина, нарушаемая лишь стрекотом цикад, от чего каждый звук отдается пугающим эхом. Она словно очутилась на съемках фильма ужасов, но испытывает скорее беспокойство, чем страх, хотя и не знает, сколько еще придется идти, прежде чем она увидит главных героев.

Бьянка прибавляет шаг – так ей спокойнее. Все ее мысли о Себастьяно, перед глазами стоит его лицо, когда несколько часов назад они попрощались в дверях дома: то же, что и всегда, без малейшего намека на какую-то тайну, довольное, после тех нескольких секунд удовольствия, что они в спешке подарили друг другу. Ничто не предвещало этой лжи.

Она вдруг вспоминает, как в самом начале их отношений, однажды ночью он начал расспрашивать ее о прошлых романах. Начал вроде бы в шутку, щекоча ее, но постепенно становился все более настойчивым и дотошным. Она пыталась отмалчиваться – к тому же рассказывать особо было нечего, лишь пара подростковых неудачных влюбленностей, в шестом и предпоследнем классах школы, но Себой вдруг овладела какая-то безумная, слепая ревность. Бьянка поддалась этому допросу, этой его страсти Отелло, и выдала пару имен с подробностями. В конце концов она разрыдалась. Тогда он встал на колени и просил у нее прощения:

– Знаю, я идиот. Прости меня. Просто мне так хотелось, чтобы ты была только моей, вчера, сегодня и завтра... И я боюсь, что ты когда-нибудь мне изменишь.

– Я твоя, Себа, посмотри мне в глаза. – Бьянка взяла его лицо в свои руки, чтобы он ей поверил. – Никогда не предаю тебя. Никогда, запомни это.

– Я тоже.

– Клянешься?

Тогда он запечатал ее рот поцелуем, и они снова занялись любовью. Почему он не ответил? Почему не поклялся? Ее мать всегда говорила: не нужно много слов – гораздо важнее молчание и действия. И ей казалось, что в ту ночь меж ними был заключен договор душ, который был превыше их сердец, превыше тел, превыше всего. Но действует ли он еще, этот договор? Она и сама не знает, потому что внутри ее только пустота, которая все

разрастается и давит тупой болью в животе.

Вот она и на месте – очертания внедорожника видны издалека. «Кайен» выглядывает из-за холма, как дикий зверь; он стоит на небольшой площадке, на опушке леса, и немного покачивается, как будто его кто-то раскачивает изнутри.

И хотя отсюда Бьянка видит не очень хорошо, сомнений нет: эти двое там трахаются, и так неистово, что даже снаружи заметно.

И действительно, все так и есть. Она сидит, раздвинув ноги, на сиденье, он – сверху, охваченный безумным возбуждением.

Флавия стонет так, словно ей больно, но глаза ее открыты, и она бдительно озирает все вокруг, хотя они и посреди пустыря. Он изображает беспокойство:

– Смотри – так ты не расслабишься...

Она отвечает, что, напротив, ей нравится это ощущение близкой опасности, желание быть начеку.

«Ненормальная», – думает он. Но это не важно; сейчас ему хочется лишь погрузиться в ее гостеприимную плоть. Ее тяжелые груди, похожие на груши, с широкими бледными сосками, словно коровье вымя. Себа сосет их и лижет, а она на секунду закрывает глаза. Он продолжает как загнанный зверь, входит в нее, ему хочется взять ее целиком, и он напористо пронзает ее. Пока не замечает синеватый свет, который проникает снаружи и почти ослепляет его.

– Черт, там кто-то есть! – даже тут они не могут оставить его в покое. Кто это еще? Он немедленно оставляет Флавию, как есть, с раздвинутыми ногами, постанывающую и покрытую потом. Спешно натягивает поло, чтобы создать иллюзию порядка, хотя со спущенными брюками это бесполезно. Тогда он заправляет член в трусы, натягивает брюки, наполовину застегивая ширинку, и прикрывает ее футболкой.

Рывком открывает дверцу джипа, уже готовый к драке, если потребуется – при его силе он способен уложить двоих одним ударом.

Снова этот синеватый свет. Но на этот раз он направлен не на него, а на лицо женщины. Пара глаз – их ни с чем не спутаешь, синева в синеве. *Те самые* глаза. Ее глаза. Они околдовали его с самой первой их встречи, и теперь под их взглядом он дрожит от стыда. Они парализовали его своим убийственным огнем.

«Черт, это невозможно!» – думает он. И тут же убеждает себя: это просто какой-то кошмар, надо проснуться! Но это не так: он зажмуривается и вновь открывает глаза, но она нигде не исчезла. Нужно быть мужчиной, что-то сказать, что-то сделать, пока не стало слишком поздно.

– Любимая, это не то, что ты ду...

Но было уже слишком поздно. В глазах Бьянки – лишь пустота. В одно мгновение она лишилась всего. Она пытается вымолвить хоть слово, но слова застревают в горле, и она лишь неотрывно смотрит на полузастегнутую ширинку Себы. Тогда она, почти не контролируя себя, машет рукой и поворачивается. Быстро удаляется, а вслед несутся его крики, которые подхватывает ветер. В порыве ярости она сбрасывает туфли и бежит босиком по камням, но эта боль не может сравниться с тем, что творится у нее внутри, ее сердце буквально разрывается на кусочки. По щекам бегут гневные слезы. Чего тебе, черт возьми, не хватало, тебе было мало меня? Зачем ты так со мной? Зачем, твою мать? Вот какой любви я заслуживаю? Она не может думать ни о чем другом.

Себа остается позади, молча стоит в лунном свете, мысли роятся в голове, слезы душат.

Бьянка еще больше ускоряет шаг, бежит по наклонной дорожке, царапая ноги, но не чувствуя *этой* боли. В сотне метров от машины она выключает фонарик. Смотрит ли еще Себа ей вслед? Она не станет оборачиваться, чтобы проверить. Уже слишком поздно, назад не повернуть.

Ключ поворачивается в скважине. Дверь квартиры открывается. Внутри запах затхлого закрытого помещения и марсельского мыла. Запах дома. Бьянка включает свет в прихожей, вешает кожаную куртку на крючок, ставит сумку на банкетку, поднимает жалюзи и открывает окна, чтобы впустить воздух. Из центра Бассано долетает далекий гул машин, людской гомон, стук опускающихся ставень. Слышен звон колоколов: уже одиннадцать. На несколько секунд она замирает у окна и смотрит на луну: в этот вечер она светит так ярко, что почти слепит. Потом плюхается на диван, обитый гобеленовой тканью, и закрывает глаза, давая наконец волю слезам. Теперь можно не сдерживаться, никто не приедет искать ее сюда, в эту старую квартиру, где жила ее семья. С тех пор, как ее отец Раньеро пять лет назад навсегда ушел, оставив ее одну, дом пустовал. Но все здесь осталось, как прежде: в квартире царят чистота и порядок, как он и желал – ведь он так любил эти три комнаты. После смерти Сары Раньеро остался один и жил только для своей дочери. Бьянка никогда не забудет то время, что провела в этих стенах. Именно сюда она сбегает, когда не остается больше сил: это ее убежище, и она ни разу не думала о том, чтобы продать или сдать эту квартиру. Если бы мама с папой сейчас были здесь, на этом диване, она и тогда не стыдилась бы своих слез, и плакала бы, как маленькая девочка. Сейчас ей так нужны их крепкие объятия, их ласка. В этих стенах жила такая огромная любовь; Сара и Раньеро любили и уважали друг друга до конца своих дней, и хотя иногда они и ссорились, как любая пара, но навсегда остались примером для Бьянки как родители и как спутники жизни. Она думает об их любви – а потом о Себе, который не смог даже вымолвить ничего членораздельного. Вот сволочь. В голове все крутятся его слова – как плохо написанная и плохо выученная реплика из спектакля: «Это не то, что ты думаешь». Слова давались ему с трудом, рот как будто был грязным, да и он сам был грязным, пропахшим сексом и животной страстью. *Это не то, что ты думаешь.* «Ах нет? Тогда что это?» – спрашивает она мысленно. «Что это за пощечина, которую я видела собственными глазами?»

Диана была права: Себа – говнюк, дерьмо без человеческого достоинства. Но никак не может отделаться от этого ощущения: она чувствует себя полной дурой, потому что оплакивает мужчину, наплевавшего на ее чувства, ради которого она отказалась от своей мечты; человека, которого думала, что знает, а на самом деле не знает по-настоящему. И только сейчас она понимает, что сама жизнь, безжалостная и суровая реальность, бросила ей в лицо эту правду. «Кто ты, черт возьми, Себастьяно Нони? Что ты за чудовище?» – спрашивает она. Для других – образец мужчины, но внутри – весь гнилой, до самого дна. Ей хочется кричать, но сил нет. По щекам текут и текут слезы, они стоят комом в горле, в животе ноет – она не в силах переварить этот обман; ей ужасно больно, но она не хочет держать его внутри.

Встает с дивана и идет в родительскую спальню, шаркая кедами, что одолжила ей Диана, когда привезла домой. Первым делом она занялась ногами подруги – как она вообще могла бежать босиком по гравию? – и окружила ее заботой. Она бы оставила подругу у себя на ночь, но Бьянке хотелось побыть одной. Диана поняла ее и, обняв на прощание, отпустила: она знала, что та уединится в своем любимом месте.

Раскрыв настенный шкаф перед двуспальной кроватью, Бьянка находит среди шелковых сорочек матери старую пластинку шестидесятих годов. Она ставит ее в проигрыватель – он

тоже старый, но с 1979 года стоит на комодe и до сих пор отлично работает. Опускает иголку, и, спустя мгновение, комната наполняется звуками теплого голоса Нины Симон. «*Ain't Got No, I Got Life*» была одной из любимых песен Сары – Бьянке даже кажется, будто она видит, как мать танцует в своей длинной белой кружевной юбке. Внезапно она чувствует непреодолимое желание открыть сундук в изножье кровати – как они делали вместе столько раз! – где мать вместе с разными тканями хранила жестяную коробочку с радугой на крышке. Итак, Бьянка достает ее, кладет на кровать, открывает и с бьющимся сердцем принимается вынимать письма, написанные от руки на пожелтевшей от времени сахарной бумаге. Все они от Амалии, маминой лучшей подруги, которую она никогда не знала и которая жила на солнечном острове. Иногда Сара читала ей эти письма и показывала фотографии Амалии, и Бьянке казалось, будто она живет в далеком-далеком мире, существующем только в сказках. Там было море, солнце, пляжные вечеринки, дома с цветными стенами, странные люди, которые одевались не так, как мамыны и папины друзья.

Хотя на самом деле это место существовало, вот только Бьянка узнала об этом только тогда, когда Сары уже не было на свете. Теперь ей нужно найти одно из писем, то самое, в котором Амалия писала об особенном чувстве: об ощущении покоя, которое подарил ей остров. Она отлично его помнит, потому что на первой странице было нарисовано солнышко с лучами-пружинками. Бьянка пролистывает письма, стараясь не порвать, и вот наконец оно, в середине стопки. Она снова включает пластинку Нины Симон, садится на край кровати и начинает читать.

10 апреля 1979 года

Милая Сара,

Я так обрадовалась твоему последнему письму, в котором ты пишешь, что у вас с малышкой все хорошо! Бьянка – чудесный ребенок, и мне не терпится с ней познакомиться. Как бы мне хотелось быть рядом, когда она появилась на свет. Признаюсь, что, разделив с тобой так много моментов твоей жизни, я почувствовала почти ревность к Раньеро, когда не смогла присутствовать при родах... Вернее, почувствовала бы, если бы не забыла, что такое ревность, и не познала, что означает свобода любить. Глядя на присланную тобой фотографию, где ты кормишь грудью Бьянку, расплакалась. Я повесила ее в спальне, у кровати, и теперь каждое утро и каждый вечер смотрю на нее и думаю о вас.

У Бьянки сжимается сердце – она представила фотографию, где мама кормит ее грудью. На мгновение переводит взгляд вверх, затем продолжает читать. Она все ищет те строчки и вдруг вспоминает, что это было ближе к концу письма. Вот они!

Ты спрашиваешь, как у меня дела, получилось ли у нас с Жеромом устроиться, счастлива ли я? Я отвечаю: да, хотя нам было непросто. Но главное богатство этого острова – люди; они приняли нас так, как мы не смели и мечтать. Посмотри на фото, что я тебе прислала: ее сделал наш друг Винсент, когда мы только закончили белить наружные стены в нашем домике. У нас пока нет горячей воды, но теперь хотя бы есть проточная, а скоро подключат электричество. Ура! Теперь, когда у нас появилось наше гнездышко, может быть, скоро появится и ребеночек – кто знает?

Главное – не торопить события, дети приходят, когда сами захотят и когда чувствуют, что ты готов. А я на данный момент счастлива тем, что у меня есть, и тем, кто я есть, хотя еще многое предстоит построить. Я полна счастья и любви. Это место позволило мне по-новому взглянуть на жизнь: оно наполнено позитивной энергией, не такой, какая была дома, Сара, и ты это отлично знаешь. Если бы я сейчас могла загадать желание, то закрыла бы глаза, а когда открыла, ты оказалась бы рядом со мной. Я передала бы тебе частичку того тепла, которым напоен этот остров. Сейчас для тебя начинается настоящее счастье – я уверена. И желаю тебе оставаться счастливой и чувствовать тот же мир в душе, что чувствую я.

Я люблю тебя, Сара, ты – частичка моего сердца. Обнимаю тебя от всей души.

Амалия

Когда мать была жива, это был своего рода ритуал: открыть коробку, посмотреть, что там внутри, и вместе перечитать письма.

У Бьянки были даже любимые, и она то и дело просила маму прочесть их вслух.

Она снова смотрит на фотографию: маленький белый дом с белеными стенами и бугенвиллия, оплетающая тростниковый навес; на переднем плане – Амалия и Жером в обнимку, оба босиком, она – в белом топе, который, кажется, связан крючком, и длинной юбке до пят; он – в льняных брюках и с обнаженным торсом; на заднем плане – синее небо, сливающееся с морем цвета кобальта.

От этих цветов, этого света, этих наполненных любовью слов у Бьянки будто наступает прозрение. Ей нужно примириться с собой, превозмочь тот комок злости и разочарования внутри, но в этот самый момент она понимает, что, оставшись здесь, не сможет этого сделать. Нужно уехать. Прямо сейчас. Бросить все – все равно у нее ничего не осталось. Себя сровнял с землей их будущее; как знать, сколько это продолжалось; не осталось ничего, во что она верила, а может, и сама их связь давно дала трещину, с тех пор как они перестали нормально общаться – сначала телами, потом взглядами и наконец – словами. Должно быть, в их отношения верила она одна – теперь она это понимает, в уютном одиночестве этого дома, разглядывая фотографии, которым столько же лет, сколько и ей самой.

Душевные раны, если их принять, не столь тяжелы; а она позволила им разрастись, и они прорвались, когда уже было поздно их лечить. Но теперь – решено. Ей нужно оставить всё и всех, пора открыть глаза, взяться за себя и вспомнить о своих мечтах.

Внутри ее – странное чувство. Она не оплакивает свои отношения с Себой – скорее, проводит обряд крещения. Она внезапно поняла то, в чем так долго не хотела себе признаваться: она уже давно живет не своей жизнью, даже танцы не радуют ее, не приносят того удовлетворения, что вначале. «Может быть, – думает она, – подобные землетрясения нужны как раз для того, чтобы понять, кто ты и кем не хочешь быть».

Она встает с кровати и, зажав в руке письмо, идет из родительской спальни в маленькую комнатку, где прожила двадцать лет. Здесь все как прежде: одноместная кровать с ковanej спинкой, шкаф в венецианском стиле, письменный стол с пластмассовым глобусом с подсветкой, ее первые пуанты, подвешенные на стену розовым атласным бантиком.

Она открывает шкаф: внутри – несколько платьев, оставшихся еще со времен, когда она была подростком. Она берет две выцветшие футболки – размер все еще ей подходит – и белую кружевную юбку матери, которую надевала пару раз на летние вечеринки в лицее.

Затем достает из кармана джегинсов телефон и пишет Диане в Ватсапп:

«Родная, я уезжаю. Мне нужно немного побыть одной, но ты не волнуйся, я в порядке. Спасибо. Ты заставила меня сделать то, что нужно было сделать. Обнимаю:***».

Отправляет и выключает телефон.

Затем складывает те несколько вещей в кожаный рюкзак, найденный в недрах шкафа, и туда же кладет письмо Амалии.

Опускает ставни. Выключает свет. Выходя, она знает, что ее ждет прыжок во тьму, в бездну новой жизни. Но теперь ей больше нечего терять и не осталось ничего, ради чего стоило бы задержаться хотя бы на секунду.

Она открывает глаза и потягивается. Щелкает пальцами – как и всегда, когда нервничает. Самолет заходит на посадку, а ей хочется поскорее выйти из этой коробки и ступить на землю, и не важно, что ее ждет. Она поправляет ремень безопасности, который на протяжении всего полета даже не расстегивала. Поворачивается к соседке по креслу – блондинке в шортах и майке с бахромой, с покрытой татуировками правой рукой, – та отвечает вежливой улыбкой. Потом отворачивается в другую сторону, снимает наушники и смотрится в выключенный дисплей телефона: видно плохо, но то, что она видит, ей не нравится. Она ненавидит беспорядок. Вся бледная, изможденная, тушь в уголках глаз немного смазалась, оставив разводы – «эффект панды». Шиньон, который она спешно закрутила перед полетом, рассыпался беспорядочными прядями. Ее это бесит. К тому же ей ужасно холодно, от кондиционера она совершенно ооченела, и ужасно болит живот – эта пронзительная боль стискивает все внутри. Во рту пересохло, как будто тело исчерпало все запасы жидкости, а в горле – горечь. Как и в мыслях.

Наверное, это обычное состояние, когда проходит любовь? Бьянка старается не думать о той сцене, свидетельницей которой стала, иначе к горлу подступает тошнота. От Себастьяно остались только ужасные воспоминания – все хорошие словно стерлись. Теперь ей нужно набраться храбрости, чтобы сдержать данное себе обещание и не возвращаться; и эта храбрость есть. Нужно принять окончание этих отношений как уникальный шанс изменить жизнь – это единственный способ придать смысл тому, что она делает. Она непроизвольно, почти в молитвенном жесте, сжимает кулон на шее. «Хватит раздумывать, Бьянка, ты вот-вот начнешь новую жизнь», – говорит она себе со всей уверенностью, на какую только способна.

Повернувшись к окну, она смотрит вниз: на бескрайнее море, которое становится все синее, на полоску берега, усыпанную белыми точками, на два островка, выглядывающих из воды как доисторические животные, а под ними – наверное, это солончаки? – языки белой суши посреди синевы.

При виде этого пейзажа ее охватывает волнение; и это первое позитивное чувство, которое она испытывает с прошлого вечера. Боль в желудке усиливается, теперь ее с головы до ног будто пронизывают электрические волны. Самолет все снижается, вот-вот коснется земли, уже выпустил шасси. Но земли пока не видно, кажется, что они садятся в открытое море, по обеим сторонам – лишь синева. Бьянка на мгновение закрывает глаза, сжимает подлокотники, упирается ногами в пол и делает глубокий вдох. Наконец долгожданный толчок, стук колес об асфальт.

Они приземлились. Самолет замедляет ход, все радостно подаются вперед. Интересно, чего они с таким нетерпением ждут? Бьянка понятия не имеет и все еще спрашивает себя, не совершила ли она очередную глупость. Она уехала налегке: ни одежды, ни косметики, ни обуви, ни друзей, ни той малой уверенности, что у нее была. Сейчас она чувствует себя голой, у нее нет даже плана, она ничего не знает о том месте, куда приехала.

Бьянка вытаскивает рюкзак из-под сиденья и идет к выходу. Снаружи светит солнце, небо ясное, ни облачка.

Когда она спускается по трапу, свежий майский ветерок обдувает кожу и выбившиеся из шиньона пряди падают на лицо. На ней все еще та одежда, в которой она была прошлым вечером. Кажется, ничего грязнее на свете быть не может. Ей не терпится от нее избавиться.

Вот и последняя ступенька – теперь она официально на земле. Бьянка смотрит на пальмы вдаль, вдыхает воздух полной грудью: он легкий, наполненный энергией, совсем не такой, как дома. Он сладко-соленый, пахнет миндальным молочком, которое она пила в детстве летними вечерами. Бьянка достает из кармана письмо и сжимает его в руке. Ее охватывает безумное, но такое естественное желание делать то, что хочется. Может быть, это и в самом деле сумасшествие – первое в ее жизни, после того как она поставила Себу превыше своих увлечений, но это правильно, дальше она пойдет вслепую, доверившись судьбе, без плана и парашюта. Главное – чтобы не было больно, если вдруг упадет, главное – как можно скорее отыскать дорогу, если потеряется.

Она подходит к первому такси в ряду, открывает заднюю дверцу и садится.

– *¡Bon dia!*^[18] – приветствует таксист лучезарной улыбкой, оценивающе оглядывая ее.

– *¡Buenos días!* – робко отвечает Бьянка. – *Tengo que ir aquí*^[19]... – Она протягивает таксисту конверт с написанным на нем адресом: Каррер де Са Трона, 2, Сан Хосе де са Талайя. Она понятия не имеет, далеко ли это, не знает даже, существует ли еще этот адрес.

– *Vale*^[20], – согласно кивает таксист.

– *Si? ¿Se puede?*^[21]

Она способна составить элементарную фразу на испанском, но завязать разговор – это уже сложнее. К тому же, похоже, тот язык, который она учила, сильно отличается от того, на котором говорит таксист... «Точно, это же каталонский!» – думает она, внезапно прозревая и вспомнив школьные уроки географии.

Таксисту за пятьдесят, кожа загорелая, волосы черные и густые, чуть реже на висках, белая рубашка с короткими рукавами расстегнута на груди, из нее выглядывает кустика черных с проседью волос, на шее – золотая цепь с распятием.

– *Claro que se puede*^[22], – жизнерадостно улыбается таксист. – *Anem*^[23], – произносит он вполголоса и добавляет, для Бьянки, глядя на нее в зеркальце: – *Vamos*^[24].

И машина наконец трогается с места.

Из магнитолы долетают звуки танцевальной музыки. На дисплее приборной панели горит «97.2 USHUAÏA». Знакомое название... ну конечно, Аргентина, Огненная Земля! Внезапно она вспоминает документальный фильм о пингвинах в Антарктиде. «Как странно», – думает она, глядя из окна на проплывающий пейзаж: на клумбах растут финиковые пальмы, бугенвиллии и жасмины, кактусы и гигантские агавы.

Такси покидает зону аэропорта и въезжает на большой круговой перекресток. Белый указатель гласит: «ИБИЦА», но такси, минуя его, движется в сторону САН-ХОСЕ. Позади остаются огромные рекламные щиты на английском, с психоделическими лицами и именами диджеев с мировой славой: Боб Синклер, Авиции, Соломун, Мартин Солвейг. Такси прибавляет скорость, въезжая на некрутой подъем. Сладко-соленый воздух залетает в приоткрытые окна, пронизывая салон электричеством. Воздух Ибицы, *Isla Blanca*^[25]. Людей вокруг немного – сейчас два часа дня, и сезон только начался. Такси въезжает в пустынный район; по сторонам видны лишь приморские сосны, фиговые и лимонные деревья, несколько белых домов, утопающих в зелени, посреди красной земли. Бьянка ожидала увидеть бесконечную череду клубов и дискотек, но, видимо, они где-то в другом месте, потому что пока, кроме рекламы, она не видела даже намека на них. Все для нее внове, все нужно открывать заново. Но энергия, о которой писала Амалия ее матери, витает в воздухе. Она повсюду, проникает в самое сердце. На обочине – магазин с выставленными у входа

фигурками Будды кислотно-розового цвета; какое странное сочетание, невольно думает Бьянка. По пути ей уже встречались и другие Будды перед одной виллой, окруженной буйной растительностью. Они проезжают через городок Сан-Хосе: вереница беленых домов, несколько ресторанчиков, пара баров, церквушка, которую, если бы не три креста на фасаде, можно было бы принять за обычное здание. Бьянка внимательно изучает окружающий мир из окна автомобиля, пожирая глазами панораму, вертит головой по сторонам, но не говорит ни слова таксисту, чтобы не опозориться своим примитивным уровнем знания испанского. Моря давно не видно – оно осталось далеко позади, у аэропорта. Проехав городок, такси поворачивает направо. Несколько километров леса и пустырей, затем машина резко замедляет ход и неожиданно останавливается на обочине шоссе, у въезда на узкую проселочную дорогу.

– *¿Está aquí?*^[26] – недоуменно спрашивает Бьянка: поблизости нет никаких домов.

Таксист четко по-каталонски – хотя она все равно с трудом его понимает – объясняет, что дом, который ей нужен, должен быть в конце проселочной дороги, но лучше, если она пойдет пешком – он боится испортить свой новенький «Сеат Леон». Плохая примета для начала сезона.

– О'кей. *Muchas gracias*^[27], – отвечает она, вручает ему тридцать евро и прощается.

– *Adeu. ¡Bona sort!*^[28] – довольно улыбается таксист.

Бьянка выходит из машины, закидывает рюкзак за плечи и идет вперед. Дорога уходит слегка вверх, по бокам – ограда из сухой каменной кладки, за которой простираются заросли приморских сосен и красной земли. Через сто метров начинается плоскогорье, за которым виднеются крыши двух домов, а еще дальше – скалы и море, такое синее, какого она никогда в жизни не видела. Бьянка ускоряет шаг, выходит к мысу, на котором стоят два дома: скромные, но очень ухоженные, с белеными стенами. У одного – зеленые окна, у другого – синие. Она проверяет адрес на конверте, достает фото, сравнивает с тем, что видит. Сомнений быть не может, она узнала его сразу же: это дом с синими ставнями и низкой крышей, *тот самый* дом с фотографии. Прошло больше тридцати лет, а он не изменился. Все те же заросли бугенвиллии, оплетающие крыльцо из бамбука. Рядом – маленькая лоза, а дальше – огородик, где растут базилик, розмарин, шалфей и другие пряные травы, названий которых она не знает. На проволоке, натянутой меж двух деревянных столбов, сушится белье: несколько льняных рубашек и ряд полотенец; белизна одежды сливается с белыми стенами дома.

Найти дом было легко, но только теперь она задумалась о том, кто живет в его стенах. *Если* она еще там. Она думает о солнечной улыбке, что видела на стольких фотографиях, о каштановых волосах, разлетающихся на ветру, длинных, вечно растрепанных. По-прежнему ли они такие или она их подстригла? Наверное, уже седые? Или крашенные?

Бьянка на секунду замирает: впервые с тех пор, как приземлилась, она испытывает сомнения. Какое право она имеет врваться в этот дом, где она почти незнакомка? Последнее – и единственное – расплывчатое воспоминание об этой женщине – с похорон Сары. Но тогда они лишь коротко обнялись, почти официально... Наконец она убеждает себя, что слишком долго размышляет. В конце концов, она уже прилетела сюда – теперь нет смысла передумывать. Поэтому она подходит к синей арочной двери, по обеим сторонам которой стоят амфоры с желтыми цветами. В ноздри бьет сильный запах ладана: священный аромат, аромат Востока. Она оглядывается, но не видит ни колокольчика, ни какого-либо названия – лишь железный дверной молоточек в центре. Что же делать? А если за этой

дверью – какой-нибудь одержимый, который ненавидит, когда его беспокоят во время сиесты? Или и вовсе никого нет?

Нет, это невозможно, убеждает она себя. Все вокруг имеет чрезвычайно ухоженный вид. Она чувствует, как сжимается желудок от нетерпения, страха и любопытства.

«Назад дороги нет», – именно это она сказала себе, повернувшись спиной к Себастьяно. Поэтому она делает глубокий вдох, берет молоток и трижды решительно стучит в дверь.

Спустя бесконечно долгое мгновение дверь открывается, скрипя ржавыми петлями. На пороге появляется женщина с аккуратными чертами лица и изумрудными, похожими на два кристалла, глазами. На вид ей лет шестьдесят, а может, и больше, но она свежа, миниатюрна и грациозна, как девочка. Волосы – блестящие серебристые пряди – до плеч, с пробором посередине. На ней – белая льняная туника до колен, перетянутая на талии поясом-веревочкой, ноги босы. На руках – морщинки и множество бурых пятнышек; никакого лака, лишь на среднем пальце правой руки кольцо с камешком в виде скарабея, под цвет глаз. Бьянка молча неотрывно смотрит на нее. Неужели это *она*? Женщина тоже разглядывает ее, этот взгляд обволакивает, он кристально чистый, как ее душа. На несколько бесконечных секунд между ними повисает тишина, сотканная из снов; даже в самом воздухе – ни единого шума. Затем взгляд женщины останавливается на кулоне-капельке, и их обеих словно пронзает электрический разряд. Она ничего не говорит, только смотрит на этот кулон, охваченная внезапным оцепенением при виде того, кого знаешь целую вечность, но никогда не видел.

– Бьянка, – произносит женщина голосом, полным нежности и тепла.

Теперь Бьянка слышит биение ее сердца, громкое и отчетливое.

– Амалия... – только и произносит она, и ее настигает волна потрясения, которая поднималась от горла к глазам.

– Я знала, что однажды ты приедешь. Я ждала тебя. – Амалия делает шаг ей навстречу, преодолевая то расстояние – естественное и в то же время зыбкое, – и обнимает ее. Тело у нее хрупкое, но в нем заключена львиная сила, и в этих объятиях поместился бы целый мир. Бьянка, уткнувшись в ее загорелую грудь, вдыхает ее аромат, и какое-то время они стоят так. Ей кажется, словно это ее мать сжимает ее в своих теплых объятиях. Ее *собственная* мать. Нет больше места маскам – лишь искренняя и чистая любовь. Любовь, не требующая ничего взамен.

Амалия мягко отстраняется и тихо гладит ее по голове.

– Входи. – Она ведет Бьянку к входу. Та робко и нерешительно следует за ней, глаза у нее блестят.

– Прости... я... врываюсь в твой дом вот так... – голос дрожит от нахлынувших эмоций. – Надо было предупредить, но я не знала как. У меня не было номера телефона... – Она пытается выдавить из себя улыбку, но не может. Амалия подносит палец к губам, чтобы она замолчала. – Ш-ш-ш...

Ей хочется приободрить Бьянку своим нежным и глубоким голосом, который, кажется, идет из самого сердца Земли. – Сядь на минутку. Не спеши: для всего у нас будет время.

Она указывает на диван, обитый полотном со странными символами.

Бьянка ставит рюкзак на пол, на цветную циновку из конопли, и садится на диван. Слезы все бегут и бегут из глаз, и она не хочет даже сдерживать их; словно ни с того ни с сего открыли кран с эмоциями, который долгое время был закрыт.

Амалия надевает кожаные шлепанцы, затем наклоняется, рашнуровывает кеды Бьянки, решительно снимает их и надевает точно такие же шлепанцы и ей. Затем, ни слова не говоря, идет на кухню, двигаясь легко, словно девочка. Бьянка осматривается по сторонам: у нее такое ощущение, будто она одновременно потерялась и нашлась. С сердца словно свалилось

тяжкое бремя, и оно стало свободнее. Ей кажется, что она попала в храм: внутри дома, как и снаружи, все было наполнено волшебством Амалии. Воздух пронизан той самой мощной энергией, что прежде она почувствовала кожей. Беленые стены хранят тот самый запах ладана, что витает снаружи, но здесь он еще сильнее. Амалия незримо присутствует в каждом предмете интерьера, в каждом аксессуаре, в каждом из множества растений, растущих в пестрых терракотовых горшках. На одной стене – гобелен с головой ангельского Будды. Она словно говорит: «Ты в нужном месте, все хорошо». Бьянка ощущает это послание в животе. Она делает глубокий вдох, и слезы сами высыхают. Переведя взгляд в сторону, она замечает выцветшую фотографию за стеклом серванта, на которой она сама в балетной пачке держит за руку Сару. При виде этой фотографии ей кажется, будто она очутилась дома, и на мгновение ее охватывает ощущение, что она знает все об этих четырех стенах, словно уже была здесь, давным-давно.

Амалия возвращается с бокалом, полным светло-зеленой жидкости, и вручает его Бьянке:

- Выпей, легче станет, – говорит она.
- Что это?
- Сок алоэ.

Бьянка пробует.

- Вкусно! Я всегда думала, что он ужасно горький.
- Рада, что тебе нравится. Я сама его приготовила.

Бьянка делает еще один долгий глоток, чувствует, как он струится по пищеводу, освежая, успокаивая, утоляя жажду. Как раз то, что нужно.

Амалия мягко смотрит на нее. В ее взгляде нет ни требования, ни осуждения – лишь свет. Как странно – Бьянка так мало о ней знает, но уверена, что эта женщина ничего не боится, всегда следует зову сердца и хранит в себе неистощимый запас любви. Она из тех людей, что всегда понимают и принимают любую ситуацию. Разумеется, она поняла: если Бьянка приехала к ней, на то должна быть веская причина. Но теперь не время для вопросов и объяснений. *Всему свой черед*. Что бы ни случилось, нужно отпустить ситуацию и позволить ей идти своим путем. Бьянка возвращает ей пустой бокал.

- Еще хочешь? – спрашивает Амалия. Бьянка отрицательно качает головой.
- Нет, мне хватит, спасибо. Было очень вкусно.

В ее голосе слышатся нотки смущения. Как давно ей не оказывали такого искреннего внимания, ничего не требуя взамен. Она совсем отвыкла от подобных вещей и не думает, что заслуживает этого.

Амалия улыбается:

– Чувствуй себя как дома, – и очерчивает рукой пространство вокруг них. – *Mi casa es tu casa*^[29].

– Ты уверена? Я... – Бьянка смахивает последнюю слезинку тыльной стороной руки. – Не знаю, сколько времени мне понадобится...

– Это не важно, Бьянка. Ты приехала – теперь можешь оставаться сколько захочешь.

– Спасибо. – Бьянке хочется ее обнять, сказать все, что она чувствует, рассказать о своем прошлом и настоящем, но слова не идут. К тому же голова кажется странно пустой, в ней нет ни мыслей о Себастьяно, ни горечи от того, что все пошло прахом.

– Я пока не могу тебе обо всем рассказать, не знаю, что со мной. Ты думаешь, что я сумасшедшая, правда? Но ты ведь меня...

– Я тебя понимаю, родная, – прерывает ее Амалия. – Понимаю и готова ждать.

Она кивает и гладит Бьянку по голове.

– Не волнуйся, у нас будет время поговорить обо всем на свете. Нам с тобой нужно наверстать несколько десятилетий. А пока пойдем – я покажу тебе твою комнату.

Амалия берет ее за руку и помогает встать с дивана. Когда она говорит «твоя комната», кажется, будто эта комната приготовлена специально для Бьянки.

– Сюда.

Весь дом занимает первый этаж, а наверху – веранда с видом на море. Обставлен дом просто, без шика. В нем много белого – стены, мебель, одежда, висящая на вешалке, сделанной из ствола дерева. Тут и там расставлены предметы в восточном стиле – тибетские колокольчики на низеньком столике, каменные подвески между окнами.

Амалия открывает светло-голубую дверь и вводит Бьянку в маленькую комнатку. В центре – французская кровать без изголовья, сбоку – круглая тумбочка, как и вешалка, выполненная из ствола дерева.

Вместо шкафа – висящая в воздухе перекладина из кованого железа, от которой отходят крючки, прикрытые едва осязаемой шелковой занавеской.

У стены – маленький столик в виде бамбукового листа, на нем – жестяной фонарь.

– Устраивайся. Если будет холодно, наверху есть одеяло. – Амалия указывает на белую деревянную полку, на которой лежит несколько свернутых полотенец и шерстяной плед.

– Спасибо. У меня, правда, нет слов. Обещаю, что не буду злоупотреблять твоим гостеприимством. Еще раз извини меня... – растроганно бормочет Бьянка. Здесь все так красиво: просто, естественно, окутано ореолом волшебства. Но ей немного неловко так неожиданно врываться в чужой дом.

– Тебе не за что извиняться, – повторяет Амалия. – И больше не хочу слышать никаких извинений, ясно? Я же тебе сказала, ни о чем не беспокойся, у нас еще будет время поговорить.

Глаза ее лучатся светом, в жестах – умиротворяющее спокойствие.

– Спасибо. – Бьянка не в состоянии вымолвить ничего больше. Ее захлестывает чувство благодарности к этой женщине, которую она едва знает.

– Закрой глаза, и пусть сон сотрет из твоей памяти все, что ты пережила. Я вижу это в твоих глазах. Вон там – ванная, если захочешь принять душ. – Амалия указывает на лиловую дверь в дальнем конце коридора. – А сейчас я тебя оставляю. Увидимся позже.

И она исчезает – бесшумно, словно фея из сказок.

Бьянка падает поперек кровати. Смотрит в потолок – в иллюминаторе виден клочок синего неба, такого чистого, что кажется, будто оно нарисовано. Она делает глубокий вдох, испытывая одновременно ужасную усталость и неопишуемую радость, словно после войны наконец наступил мир. Она знает, что здесь она в полной безопасности. Медленно закрывает глаза, и все мысли бесшумно улечиваются.

Вода в душе холодная, несмотря на то что регулятор до предела повернут в противоположную сторону. «Так-то лучше», – думает Бьянка. Этот небольшой дискомфорт помогает ей прийти в себя. Она испытывает легкий шок, рефлексы замедлены, чувство времени утрачено. Она не знает, ни сколько проспала, ни который час. Хотя это ее никогда не волновало, она даже часы не привыкла носить. Стараясь не намочить волосы, она закрывает кран, выходит из душа и быстро вытирается. В комнату Бьянка идет нагишом, тело бодрое и свежее. В этот раз придется обойтись без привычных кремов. Она открывает рюкзак в надежде найти там сменное белье, хотя и не помнит, что бросила туда прошлой ночью. Затем надевает трусики и бюстгальтер, купленные в спешке в дьюти-фри аэропорта в Италии; короткую обтягивающую футболку с ангелочками Фьоруччи, которую носила еще в лицее; джинсы, обрезанные под шорты, с бахромой и заклепками на карманах. Довершают образ кеды All Star, что дала ей Диана, – ни дать ни взять девочка-подросток. Ну и ладно, она не в Бассано-дель-Граппа и больше не должна играть роль спутницы Себастьяно Нони. Там, где она сейчас, никто не станет судить ее по одежке.

Кстати, о Бассано – она только теперь понимает, что уже десять часов не включала телефон. Наверное, стоит все-таки рискнуть. Она собирается с духом и дрожащими руками достает его со дна рюкзака. За несколько секунд ее буквально с головой накрывает волной сигналов, как будто телефон внезапно ожил. Должно быть, там штук двадцать пропущенных звонков от Себы, с интервалом в одну-две минуты. И еще лавина сообщений. Она читает их через одно, но почти сразу испытывает чувство омерзения.

«Любимая, где ты?»

«Вернись, надо поговорить».

«Поверь, все не так, как ты думаешь!!! Дай хоть объяснить!»

«Почему не отвечаешь, твою мать?!»

«Ты ошибаешься. Ты ничего не поняла. Ответь!»

«Пожалуйста, скажи, где ты. Я волнуюсь. Мне вызвать полицию?»

«Да вызывай, козел!» – взрывается наконец Бьянка. Все умиротворение и спокойствие последних часов улетучивается, пока она читает эти жалкие слова, от которых у нее немедленно начинает болеть голова. Ну надо же, какой подонок! Ничтожество. Его и мужчиной-то назвать нельзя! Но в ее мыслях нет ненависти – лишь горечь, которая давит на желудок и которая, она надеется, скоро пройдет. Она попросту ничего больше не хочет о нем знать. Все слова, что они друг другу говорили, все радости и горести, пережитые ими за годы совместной жизни, испарились в один момент. Словно кадр из чужого фильма, где она увидела то, что ей не принадлежит, – и ей хочется стереть это из своей памяти. Она включает роуминг и открывает Ватсап. Себастьяно написал и здесь, хотя никогда ей там не пишет. По сути, это копия его эсэмэсок – чтобы быть уверенным, что они дойдут. Ей становится еще горше. Но все, довольно. Она пролистывает чат и видит два сообщения от Дианы, которая спрашивает, все ли в порядке и не нужна ли помощь. Уж ей-то она ответит. Бьянка бесконечно благодарна ей за то, что та открыла глаза на истинную сущность Себы, за то, что настояла, несмотря на ее упрямство.

Диана в Сети. Невероятно, как этой женщине удастся делать одновременно миллиард вещей и еще проводить полдня в чате. Она утверждает, что пользуется Ватсапом по работе,

но Бьянка ей никогда не верила. При мысли о подруге она улыбается, и это хорошая улыбка, из тех, что дарят легкость.

Она пишет:

«Милая, я в порядке. Я на Ибице».

Не успевает она отправить, как Диана тут же отвечает – вот это скорость!

«На Ибице? Ну ты даешь!!! Мне уже начинать волноваться?» – и куча смайликов. Бьянка поспешно успокаивает ее:

[Купить полную версию книги](#)

notes

Королева (исп.). – *Здесь и далее примеч. пер.*

Хорошо (*англ.*).

Раз – ноги согнуты (*фр.*), два – выпрямили (*англ.*).

Три – подъем (*англ.*).

Присели – пять, шесть, семь, восемь (*фр., англ.*).

Большой батман (*фр.*). И раз, и два, три и четыре, на вторую (*англ.*).

Назад (*фр.*).

Вытянуты (*фр.*).

«Кошачье па» (*фр.*) – движение, имитирующее грациозный прыжок кошки.

Приседание (*фр.*).

Сисон (*фр.*) – вид прыжка.

Прыжок (*фр.*).

И раз, и два (*англ.*).

«Мы – люди» (англ.).

Средний балл в итальянских школах.

Королевская балетная школа (*англ.*).

Постепенное затухание отношений.

Добрый день (*исп.*).

Добрый день. Мне нужно сюда... (исп.)

Ладно (*исп.*).

Да? Можно? (исп.)

Конечно, можно (*исп.*).

Поехали (*катал.*).

Поехали (*исп.*).

Белый остров (*исп.*).

Это здесь? (*исп.*)

Большое спасибо (*исп.*).

Прощайте! Удачи! (катал.)

Мой дом – твой дом (*исп.*).